

A $\frac{256}{491}$

91

МЫСЛИ
МАЛОРОССІЯНИНА,

ПО ПРОЧТЕНІИ ПОВѢСТЕЙ

ПАСИЧНИКА РУДАГО - ПАНЬКА,

ИЗДАННЫХЪ ИМЪ ВЪ КНИЖКѢ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ

БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ,

И

РЕЦЕНЗІЙ НА ОНЫЯ

Андрія Царыннаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1852.

А $\frac{256}{491}$

Стороженко, А. С.

МЫСЛИ МАЛОРОССІЯНИНА,

ПО ПРОЧТЕНІИ ПОВѢСТЕЙ

ПАСИЧНИКА РУДАГО - ПАНЬКА,

ИЗДАНЫХЪ ИМЪ ВЪ КНИЖКѢ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ,

И РЕЦЕНЗІЙ НА ОНЫЯ

Андрія Царыньаеа.

К
САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1832.

Второй выпуск

Издательство - Наука

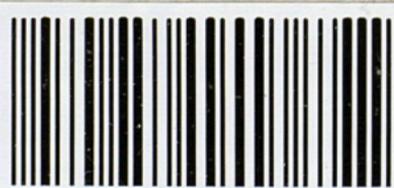
Всего страниц 100

Всего страниц 100

Издательство - Наука

Издательство - Наука

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2007043573

МЫСЛИ Малороссіянина, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ вблизи Диканьки, и рецензій на оныя.

Повѣсти, или справедливыя, сказки Пасичника Рудаго-Панька, появились въ свѣтъ сопровождаемыя похвалами Сѣверной Пчелы, и попомъ Литературнаго Прибавленія къ Русскому Инвалиду. Дай Боже здоровья Издавателямъ ихъ! — „Вошь книга,“ — восклицаетъ Рецензентъ въ Литературномъ Прибавленіи No 79 сего 1831 года: „которая „приноситъ большую честь Автору, и вѣрно принесетъ ему большое спасибо со всѣхъ „сторонъ святой Руси. Рудый Панёкъ,“ говоритъ онъ далѣе: „разсказываетъ безъ вычуръ, безъ хитросостей,“ — а еще далѣе: „что „лица въ повѣстяхъ его неподмалеваны; нѣтъ „общихъ мѣстъ, пошныхъ и пошлыхъ; происшествія не прищипнуты за волосы, веселость „неподдѣльная, остроуміе не выкрадено.“

Опдавать справедливость похвальнымъ качествамъ человека, котораго мы знаемъ, разумѣется, коротко, есть обязанность самая пріятная и не тяжелая; но сдѣлать разборъ какому нибудь и маленькому сочиненіицу, трудно, — а еще труднѣе высказать

справедливья похвалы оному, и представивъ чипапеллямъ, съ необходимою крипическою опчетностію, пѣ прекрасныя мѣста, кои убѣдили бы каждаго согласиться съ мнѣніемъ помудрившагося надъ разборомъ.

Отвращеніе Г. Рецензента Литературнаго Прибавленія отъ общихъ мѣстъ, производящихъ пошноту, столь же понятно, сколько и хвала его происшествіямъ, неприщянуемымъ за волосы. Видно, неприкосновенный Рудый Панёкъ разказами своими слишкомъ ему понравился, когда самъ онъ, будучи такимъ неохотникомъ до общихъ мѣстъ, нашель вообще разказы сіи такими забавными, что не указаль отдѣльно ни одного лица, ни одного происшествія, заслуживающаго особеннаго вниманія по условнымъ правиламъ рецензіи. Хотя общій обзоръ предметовъ, по заказу, легче разбора оныхъ; но сказки Рудаго Панька требовали послѣдняго, какъ образцовыя, по мнѣнію самого же Рецензента, за кои его Панёкъ заслуживаетъ *большое спасибо со всѣхъ сторонъ святой Руси.*

Я Малороссіянинъ, люблю мою родину, люблю слушать преданія благословенной старины нашей. — Пѣсни, сказки и присказки погружаютъ меня въ пріятныя думы, и воображеніе рисуешь тогда усатыхъ предковъ съ воспѣвавшими подвиги ихъ слѣпцами и раз-

сказчиками былей и небылицъ. — Въ пѣсняхъ опзывается характеръ народа; въ сказкахъ и присказкахъ повѣрья его, и въ послѣднихъ особенно видно желаніе разсказчика блеснуть затверженными имъ народными шутками. Лестные опзывы извѣстныхъ Литераторовъ о Повѣспяхъ земляка моего Пасичника такъ были по душѣ мнѣ, какъ бы относились ко мнѣ самому. Знавалъ и я почтенныхъ въ своемъ званіи можно сказать, пуспынническомъ, — папріархальномъ, Пасичниковъ, веселыхъ, словоохотныхъ спаричковъ: и Спецька, и Грицька, и Панька: но Панёкъ не нашъ! ей ей не нашъ! и изъ прехъ вышепоименованныхъ, каждый, при всемъ миролюбіи своемъ, на кличку: Спедекъ — бы-то, Гридекъ, или Панекъ, конечно опвѣчалъ бы, хопя и подъ сѣдые усы себѣ: *самъ ты Пенекъ!* не разсуждая, что такъ назвалъ его Москаль, никогда неживавшій въ Малороссіи, слѣдовательно неимѣвшій случая слышать *именъ крещеныхъ*, присвоенныхъ у насъ проспюдинами.

О! ни какой у насъ Панько, не погнѣвайшесь, не смолчишь, если бы назвали его Панекъ. — У насъ панъ-отець, какъ мы величаемъ священника, нарекая мальчика Григоріемъ, или Паншелеемъ, обыкновенно привѣспивуешь родителей, въ угожденіе имъ, съ

новорожденнымъ Грицькомъ или Панькомъ; что повпоряешъ и баба, принявшая младенца ошь купели; и такимъ образомъ ошь колыбелѣ до могилы окрещенные въ сихъ, по повѣрью, уменьшенныхъ именахъ, носятъ оныя съ пляжелымъ крестомъ жишейскимъ.

Печашныя похвалы оспроумнымъ Повѣспямъ Пасичника Рудаго-Панька, и самый предметъ, толико близкій сердцу Малоросіянина, расположили меня пошчасъ купить *Вечера на хуторъ близъ Диканьки*. Пролетипшъ непримѣшно, думалъ себѣ, долгій зимній Петербургскій вечеръ; порадоюсь ошь души родному повѣспованію. — И хопя, признаюсь, охлаждала воспоргъ рецензія Літературнаго Прибавленія, въ которой *Панѣкъ бльмомъ кидался въ оги*, ибо неудобно върилось, чтобы коверкающій самое имя Автора могъ выразумѣть и оцѣнить истинное достоинство рассказовъ, принадлежащихъ народу, коего языкъ не совсѣмъ, кажется, знакомъ ему, но письмо славнаго Поэта Пушкина, напечатанное въ сей рецензіи, убѣждало внимать похваламъ и не прочитавши Повѣстей, — что могло случиться на грѣхъ и съ Рецензентомъ. — Кого не увлекалъ гений? — Кто разгадаешъ Протея Пушкина? Можетъ быть, Панько рассказами своими и дѣйствительно угодилъ кратковременной при-

хопи Поэта, который безъ прудовъ, безъ усилий, какъ кажется, подчинилъ богатому своему воображенію и Граціи и Музъ, (исключая нѣкоторыхъ: ибо Малороссійская Кліо не могла бытъ довольна его Полшавою), и коему наскучило чипать въ большой части новѣйшихъ стихотвореній нашихъ рабское себѣ подражаніе и даже хищничество изъ либературнаго его скарбу: необыкновенные таланты имѣють необыкновенныя и прихоти.

Редакторъ Журнала: Le Miroir No 35-й, объявляя: que l'auteur (Roudy Panko) décrit les mœurs, les coutumes et le langage des bons habitans de l'Ukraine, и смѣшавши, по нашему сказать, *горохъ съ чегевичею*, говоря: déjà les Romans de M. Zagoskin, les nouvelles de M. M. Pogodin et Somoff, les essais critiques de M. Koliarewsky, en ont été extraits d'une manière plus ou moins éclatante, mais toujours utile à la langue et à l'esprit national, — также, вмѣсто рецензій, привелъ въ доказательство достоинствамъ Повѣстей упомянутое письмо Г. Пушкина; послѣ сего казалось бы и разсуждать не о чемъ.

Но да позволено будетъ замѣнить, что пародія Энеиды, перелицеванной почтеннымъ Г. Копляревскимъ, какъ шоржество Малороссійскаго слова, написана природнымъ Ма-

лороссійскимъ нарѣчіемъ; а Гг. Загоскинъ, Погодинъ, Сомовъ и самъ Рудый-Панько пишутъ по-Русски; слѣдовательно сіи Писатели никакъ не подлежатъ одной категоріи; и поверхностный взглядъ на твореніе послѣдняго изъ нихъ, равно какъ безусловная вѣра гениальному Поэту, недостаточны для рецензіи.

Видно, Гг. Рецензенты оставили подробный разборъ выхваленныхъ ими Повѣстей, по принадлежности, Малороссіянину, не затрудняя себя тѣмъ, въ чемъ успѣхъ былъ бы сомнителенъ, по незнанію ими, вѣроятно, прослава быша жителей Малороссіи: дѣло хорошее.

Есть конечно Писатели, кои твореніями своими затрудняютъ рѣшеніе вопроса: нужно ли непременно жить для того въ какомъ нибудь краю, чтобы узнать нравы, обычаи и повѣрья народныя? Но такіе фениксы родятся вѣками. — Въ неперпѣливомъ ожиданіи подобнаго гениа, мы, кажется, еще не можемъ, не выезжая изъ столицы, изучать народный бытъ столь разнообразныхъ обитателей обширнаго отечества нашего, коихъ навыки и повѣрья составляютъ весь курсъ наукъ, потребный для разумнѣйшихъ изъ нихъ. — Если Панько и содѣлается въ послѣдствіи нашимъ Вальтеръ-Скопшомъ,

чего я отъ всей души ему желаю, то предшествовавшее сему первое твореніе его не могло, не существуя еще, раскрыть предъ Рецензентами богатый рудникъ народныхъ преданій; а не оповѣдавши, не узнаешь, какая вода и съ самымъ мелкомъ колодезѣмъ.

Да, пора бы родиться и у насъ Вальперь-Скопшу. — Да встрѣпимся первый взоръ его съ чистымъ небомъ и зеленѣющими равнинами моей любезной родины! Дай Богъ, чпобы опытъ земляка моего, Панька, былъ предвѣспникомъ неупомимыхъ трудовъ и будущей его славы!

Мнѣ не случилось быть въ Шопландіи; не знаю Англійскаго языка: но неподражаемый Вальперь-Скопшъ, на крыльяхъ своего воображенія, переносилъ мое въ богатую событіями его родину. Я дѣлался едва ли не землякомъ ему! Читая повѣспованія его о Шопландіи въ переводахъ на другіе языки, казалось, я свикался, дружился съ описываемыми имъ потомками древнихъ Каледонянъ.

Куплю Вечера на хупорѣ близъ Диканьки! Стыдно не имѣть Повѣспей милой родины. — Прочитавъ оныя не скоро удастся: ибо, хотя и я заплашилъ Смирдину за годовое чпеніе книгъ изъ его Библіошеки, но самому ѣздить за ними нѣтъ времени, а присылаютъ мнѣ всегда такія спарыя годами, и

такія вѣпшія изъ новѣйшихъ, что и развертываешь спрашно, дабы не попянулись за рукою листы, превращенные въ шрушь множествомъ чипателей.

Случилось, правда, во время холеры, прочиташь нѣкопорыя, дорого окупившіяся жертвы просвѣщенію изъ означенной Библіотеки. Они сдѣлались подобными букварямъ, по которымъ обучають грамотѣ дѣшеѣ съ деревянными указками; но жалкое положеніе ихъ, виною, испинно меня радовало: ибо оно служило неоспоримымъ доказательствомъ безпреспаннаго употребленія; а невѣжественныя приписки и замѣчанія на вѣпшихъ листахъ Романовъ Валпера-Скопша суть подтвержденія, что теперь полюбили у насъ чтеніе люди всякаго званія. — Благонамѣренный наблюдатель народнаго просвѣщенія, вообразя цѣну за годовое чтеніе, конечно погрузился въ пріятныя мысли о грядущемъ, и порадуется вмѣстѣ со мною и многими любознанію какого нибудь сидѣльца, опкладавающаго 60 руб. въ годъ на такое удовольствіе, которое отецъ сего послѣдняго почиталъ едва ли не наказаніемъ.

Благодаря духу времени и благородному направленію народа великаго, чипателей Русскихъ теперь весьма много; опечеспвенная Литература не удовлетворяетъ ихъ вполне,

ограничиваясь весьма не великимъ числомъ Романовъ. Досужіе Писатели наши подчуютъ насъ спишками, легкими, корошенькими повѣстями, а если кто нибудь не полънится наполнить такими сочиненіями книжки двѣ, то сія, легко прославившаяся на пустынномъ Парнасъ нашемъ, брагія равняетъ его съ самыми знаменистѣйшими современными Авторами просвѣщенной Европы.

Малороссія, по старинной пословицѣ въ оной: *поймать не поймать, а погнаться можно*, приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго жшпья-бышья, многихъ современныхъ Поэтовъ и Прозаиковъ: но попытки въ описательной Поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удавались. Напримѣръ, въ книжкѣ подъ заглавіемъ: *Малороссійская деревня* — сочиненіе И. Калужинскаго, — сей Авторъ, на стр. 12 и 13, рассказываетъ, будто бы беззаботный Малороссійскій кресстьянинъ, не взирая на морозъ и вьюгу, охотно прохаживается въ ближайшую винокурню, дабы шамъ побесѣдовать въ лучшемъ обществѣ, и возвращаясь домой, рассказываетъ о новостяхъ сосѣдней винокурни. Не принималъ ли, полно, Г. Калужинскій, проѣзжая Малороссію, шинковъ за винокурни? Въ первыхъ, дѣйствительно, и

въ самый прескучій морозъ всегда можно сыскашь бесѣдующихъ ; а впорыя всякой мужикъ обходишь, какъ говоряшь у насъ, *по за вѣтроль*. И если бы Г. Калужинскому вздумалось предложивъ нашему мужичку, не хочешь ли онъ прогуляться на винокурню, — то конечно получилъ бы въ отвѣтъ : *нехай вона загорится ! иды самъ, пане, кольь хочешь, въ таке пекло !* Счастливъ помѣщикъ той деревни, въ кошорой случилось пожить Г. Калужинскому, успѣвшій приспрасити крестьянъ своихъ къ винокурнѣ. — Такая деревня видно одна полько и есть во всей Малороссіи : ибо вездѣ, если не по очереди, то за наказаніе посылающя люди въ винокуренные заводы, да и радостей тамъ въ дыму и копоши напрасно бы искалъ празднолюбець. — Нѣтъ ! Малороссіяне любятъ попреблять горячее вино, но не выкуривають оно для дохода помѣщику, и присвоиваемая имъ охота прохаживається по винокурнямъ — несбыточна. — Черта сія, такъ счастливо схваченная Авторомъ Малороссійской деревни изъ народныхъ удовольствій, ведеть къ заключенію и о всей его книжкѣ, а подобныхъ оной, къ сожалѣнію, не мало мнѣ прочитають случилось.

Есть однако же попытки и дѣльныя въ прозаическихъ описаніяхъ простаго быта

Малороссіянь. Напримѣръ, Г. *Нарѣжнѣй*, царство ему небесное, сочиненіями своими, а особенно *Бурсакомъ*, умѣлъ смѣшишь и самыхъ унылыхъ земляковъ моихъ. Я видѣлъ одного умнаго, почтеннаго спарика Пропопопа, которѣй, читая Бурсака, шо смѣялся, шо плакалъ опъ избытка чувствъ и душевнаго умиленія. — Спарикъ сознавался, что въ Бурсакѣ онъ видѣлъ почти самого себя, и что, вспоминая ученіе свое въ Переяславской бурсѣ, казалось, дѣлался моложе годами 60-тью. „Бурсакъ,“ говорилъ онъ: „списанъ Нарѣжнѣмъ съ напурѣ.“ — Такіе опзывы — истинная награда Автору!

Жаль, что Г. Нарѣжнѣй писалъ не перешнимъ, видимо очищающимся Русскимъ слогомъ, и въ выборѣ предметовъ не былъ изыскапеленъ. Его Романы опзываются нѣкоторою обветшалостію; но цѣль каждаго выполнена: характеры выдержаны; всякой разсказъ конченъ удовлетворительно; — прочитавши его Романъ, не ожидаешь щепетно продолженія и дополненія оному.

Монастырка А. Погорѣльскаго, родившаяся подъ небомъ Малороссіи, подавала надежды несравненно утѣшительнѣйшія пѣхъ, кои могли представляться по прочтеніи Романовъ Нарѣжнаго; но ожидаемаго продолженія оной понинѣ не явилось на свѣтъ бѣлый; про-

чипавши же первую только часпъ, нельзя судить о цѣломъ сочиненіи. — Дюндикъ съ семействомъ могъ бытъ заслоненъ другими лицами, ближайшими къ напурѣ, въ слѣдующихъ часпяхъ Монастырки. — Неужели и Вечерамъ на хупорѣ близъ Диканьки гоповишся такая же учаспъ, на какую осуждена Монастырка, подобно Вечерамъ симъ всѣми преждевременно расхваленная?

Монастырку, кажется, никто не осмѣлился пугать подробнымъ разборомъ; о Вечерахъ же на хупорѣ близъ Диканьки да позволено мнѣ будетъ, съ чистосердечіемъ земляка, Пасичнику Рудому-Паньку высказашъ безпристрастное мое мнѣніе.

Г. Полевой, коего рецензіи о нашихъ литературныхъ издѣліяхъ бывають большею часпю самыя удовлетворительнѣйшія, хотя иногда и весьма рѣзкія, въ *Московскомъ Телеграфѣ* No 17 сего 1831-го года, оцѣнилъ по силамъ своимъ и по достоинству, высокопаренія въ слогѣ Пасичника Рудаго-Панька, и пѣмъ избавилъ меня приниматься не за свое дѣло. — Будучи просто чипапелемъ, я не берусь ничего поворить удовлетворительнаго о слогѣ вообще въ разбираемыхъ мною Новѣстяхъ моей родины. — Мнѣ онъ кажется также какою-то смѣсю: *высокопаренія къ сладострастному куполу*, (какъ Авшоръ

Повѣстей называешъ на спр. 1-й пвердь небесиую), съ земнымъ разгульемъ по ярмаркль. Если бы не было эпого заносчиваго паренія по поднебесью, то слогъ Панька еще болѣе соспвѣтспвовалъ бы предметамъ его разказовъ. Но ежели такая разнообразность въ слогъ именно и понравилась извѣстнымъ нашимъ Липерапорамъ, то я долженъ ограничиться въ такомъ случаѣ пословицею: *ученымъ и книги въ руки!* Признаюсь однако жъ, что выраженія въ 1-й Повѣсти, подъ заглавіемъ *Сорогинская ярмарка* (въ 1-й главѣ спр. 2-я): „звонкій громъ перепела, хорошенькая дочка „съ черными бровями, ровными дугами, поднявшимися надъ свѣплыми карими глазами „(спр. 5): засверкали огненные, одѣпные холodomъ искры — (спр. 7): обдавая шумомъ „окрестность. (спр. 8),“ *не показались мнѣ прекрасными: ибо перепелнаго грому я не слыхалъ; искръ, одѣпныхъ холodomъ, вообразилъ не умѣю, и чтобы кого, вмѣсто воды, обдавали шумомъ, мнѣ видѣшь не случалось. Но въ сей же самой главѣ, которую я началъ разбиратъ по порядку, есть дѣйствительно каршины живописныя; напр: „Горы „горшковъ, закупанныхъ въ сѣно, медленно „двигались, кажется, сучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣспами только какая „нибудъ расписанная миска, или макипра,*

„хваспливо выказывалась изъ высоко-взгро-
 „можденнаго на возу плешня, и привлекала
 „умильные взгляды поклонниковъ роскоши.“
 (стр. 3). Или: „Небо, зеленые и синіе лѣса,
 „люди, возы съ горшками, мельницы, все опро-
 „кинулось, спояло и ходило вверхъ ногами,
 „не падая въ голубую прекрасную бездну“,
 (стр. 9). — Сія послѣдняя картина, предста-
 вившаяся дѣвушкамъ, невыѣзжавшей изъ своего
 скучнаго села, — неподобна.

Но слогъ, какъ я выше сказалъ, не мое дѣло;
 объ немъ я намѣренъ только говорить ми-
 моходомъ. Мнѣ хочется представить на судъ
 читателей: выполнилъ ли землякъ мой, Пасич-
 никъ, приняшую имъ, какъ кажется, на се-
 бя обязанность познакомить ихъ съ народ-
 ными нашими *повѣстьями*, — обычаями и
 повѣрьями?

Всякой, кто только живалъ въ Малорос-
 сіи, согласится со мною, что у насъ, встрѣ-
 чаешь ли на пупи крестьянина или крестья-
 янку, каждый и каждая изъ нихъ поклонится
 и скажетъ народное привѣтствіе: *помогай*
би! т. е. помогай, Боже (*); но когда, — на
 счастье, — повстрѣчаешься съ молодою, (не-
 вѣстою), которая, въ сопровожденіи пою-
 щихъ подругъ своихъ, ходитъ по селу про-
 сить на свадьбу, (что бываетъ обыкновенно

(*) Или *добродень*, а въ вечеру: *доброевечеръ*.

въ Субботу, ибо только въ Воскресенье празднуются у насъ свадьбы), то она, кланяясь въ поясъ, проговоритъ заученное привѣтствіе можетъ быть со временъ Гетмановъ: полтора Павла, или полтора — кожуха: „*проситъ батько и маты, и я прошу на хлѣбъ, на соль и на веселье.*“ — Сіи условныя въ народѣ, просыая въжливости говорящъ въ пользу правовъ его (*). Всякая страна имѣетъ обычаи и повѣрья, собственно ей принадлежащія. Разсмапривающій ихъ въ Малороссіи найдетъ характеры народа, прежде воинственнаго, заслуживающими особеннаго наблюденія; найдетъ въ Малороссіянинѣ, въ одно и то же время, мрачность и беззаботную веселость, доброту и упрямство, безкорыстіе и неуступчивость въ самой бездѣлицѣ, если дѣло коснется до собственности, почтительность къ старшему, — строгое сохраненіе приличій и простоту въ обращеніи, молчаливость и словоохотность, простосердечіе и хитрость. Источники всѣхъ такихъ разнообразныхъ качествъ сокрываются въ разныхъ эпохахъ тревожнаго прежде существованія жителей Малороссіи, то защищавшихъ оное съ оружіемъ въ рукахъ,

(*) Увидимъ ниже встрѣчу, описанную Панькомъ въ началѣ первой его Повѣсти.

по несшихъ тяжкое иго, налагаемое на нихъ сильнѣйшими. И теперь, по незапамятному обычаю, сабля и изображеніе Святой Троицы изъ прехъ восковыхъ свѣчъ, связанныхъ вмѣстѣ бѣлымъ убрисомъ, или полошникомъ, и украшенныхъ вокругъ васильками, вѣчно зеленѣющимъ барвинкомъ и другими цвѣтами, составляютъ нѣкій символъ свадебнаго обряда, безъ коего и самая свадьба не была бы вполне торжественною. Сіе соединеніе Святой Троицы съ саблею обыкновенно ставится въ переднемъ углу, въ которомъ сажаютъ за столомъ молодыхъ послѣ вѣнца; — такая эмблема Христіанскаго война есть вещь истинно священная въ народѣ. — И теперь каждый Малороссійскій казакъ желаетъ, чтобы и по смерти его знали, что онъ родился, жилъ въ семъ званіи, и умеръ въ ономъ. — Случалось ли вамъ видѣть, проѣзжая мимо сельскаго кладбища въ Малороссіи, бѣлыя хоругви на деревянныхъ крестахъ, поставленныхъ на могилахъ покойниковъ? Знаки сіи ставятся сеспрами, женами, или невѣстами умершихъ казаковъ, какъ послѣдняя дань памяти свободнаго ихъ сословія, — для различія оныхъ могилъ и крестовъ, подъ которыми покоятся крестьянинъ, умершій подданнымъ помѣщика.

Обычай сіи принадлежатъ воинственному.

му духу спарины, а слѣдующій анекдотъ за-
спавишь подумашь, какъ далеки пеперешніе
жили Малороссіи отъ ссоръ, безъ явныхъ
и побудительныхъ причинъ къ онимъ.

Въ 1813 году, въ блокадномъ Корпусѣ
подъ крѣпостью Замостьемъ, случилось со-
держать конные пикеты и Полтавскимъ ка-
закамъ, по очереди съ Донскими. Нѣсколько
времени прошекло безъ всякаго особаго про-
исшествія на форпосахъ, расположенныхъ
не близко отъ крѣпости. Слухъ Полтавцевъ
привыкъ къ опдаленнымъ выспрѣламъ; оса-
жденные не дѣлали вылазокъ, и ничто не на-
рушало безопасности казаковъ, покуривавшихъ
себѣ пирубки, лежа прошивъ солнца на кур-
ганахъ, занимаемыхъ ихъ ведешами. — Слу-
чилось наконецъ, что къ двумъ такимъ пе-
редовымъ спражамъ внезапно прискакали изъ
крѣпости два непріятельскихъ, лихихъ всад-
ника. Одинъ изъ казаковъ вскочилъ поспѣ-
шью на коня и пустился, преслѣдуемый не-
пріятельскимъ всадникомъ, къ своему резер-
ву, а другой не успѣлъ взобраться на ло-
шадь, какъ наскочившій на него усамый ли-
хачъ нанесъ ему три удара саблею прямо
въ лицо, отъ коихъ бѣдный козачина пова-
лился на землю. Послѣ сего непріятель уска-
калъ, боясь бытъ опрѣзаннымъ. — Подняли
раненаго. Всѣ обступили его кругомъ; посы-

пались вопросы поварихей, какимъ образомъ изувѣчилъ его такъ проклятый? Не жалко бы было, отпѣчаетъ раненый, если бы то я ссорился или бранился съ бусурманомъ, а то, не давши даже распроситься, началъ меня по-лосовать; чтобъ ему не было добра, чтобъ его слезы мои побили. За что бы, кажется, изувѣчить чуть-чуть не на смерть!“ Раны же въ самомъ дѣлѣ были самыя легкія.

Анекдотъ сей я слышалъ отъ самовидца, по увѣренію его. Хотя весьма невѣроятнo, чтобы раненый казакъ былъ подобнымъ олухомъ, какими землякъ мой Панько наполнилъ свою Сорочинскую ярмарку, но и въ самомъ анекдотѣ видна характерическая черта нашего просполюдима, всегда далекаго отъ ссоры безъ причины, — какъ выше сказано.

Но пора мнѣ приняться за разборъ разсказовъ Рудаго - Панька. — Да простятъ милостиво чинашели истинно невольныя опущенія отъ главнѣйшаго предмета. Кло не заговорится, если дѣло идетъ о любезной родинѣ? Посмотримъ теперь встрѣчу парубка съ проѣзжими.

Молодые парубки у насъ не напиваются до-пьяна; они стараются казаться скромными, отдающъ должное почтеніе всякому старшему лѣтами; вся гульба ихъ состоить въ

вечернихъ пѣсняхъ и прогулкахъ по селу: лѣпомъ, опъ одной группы дѣвушекъ, собирающихся на вечера (вечерницы) подъ открытымъ небомъ, къ другой; а зимою опъ одной избы до другой, куда дѣвушки собираются, какъ говорится по нашему, *на доситки*, т. е. чтобы зимній вечеръ провести вмѣстѣ и повеселились съ парубками, а вставши до свѣта пряснь, и за гребнемъ, можешъ спаться, думашъ о суженомъ. — При такихъ условіяхъ въ поведеніи парубковъ нашихъ, спачное ли дѣло, чтобы какой нибудь изъ нихъ, порядочно одѣшый, имѣющій, какъ видно изъ словъ самого Панька, хозяйство, (спр. 10), готовый пожертвовать имъ за поцѣлуй приглянувшейся ему дѣвушки, — ни за что, ни про что, видя первый разъ въ жизни пожилую женщину, сидящую съ прекрасною дѣвушкою на возу, потчасъ привѣтствовалъ первую бранью: „А вошь впе-
 „реди и дьяволь сидишь!“ — Съ чѣмъ это сообразно? И могло ли такое привѣтствіе поднятъ со всѣхъ сторонъ хохотъ? Послѣ сего, невинно обруганная начала бранить негодая, — и по дѣломъ, — въ такихъ выраженіяхъ, какія Русскому Паньку вошли только въ голову; обоюдныя ругательства лились обильною рѣкою, въ заключеніе коихъ разгульной парубокъ пустилъ комъ грязи въ

голову напрасно обиженной имъ, забрызгалъ ей очипокъ, — и будто бы сіе буйство удвоило хохощь.

Не знаю, чему шутъ можно смѣяться, и что шутъ остроумнаго. Такъ безчинствуютъ одни лишь горькіе пьяницы, а парубки у насъ, какъ я выше замѣтилъ, не напиваются до-пьяна. *Такого гульвиса громада (*) заразъ бы отдала въ солдаты, безъ очереди. — О! громада (какъ говорится у насъ) — великій человекъ!*

Сію минуточку принесли мнѣ No 94 Липерапурныхъ Прибавленій къ Русскому Инваллду. *Письмо къ Издателю оныхъ, о Вечерахъ на хуторъ близъ Диканьки, о критикѣ на нихъ Г. Полеваго и о прочемъ,* — однимъ заглавіемъ симъ произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе. — И такъ я напрасно просидѣлъ цѣлый день, излагая мысли мои по проченіи, не весьма повеселившихъ меня Вечеровъ на хупоръ близъ Диканьки! Напрасно затруднялъ себя разборомъ 1-й главы *Сорогинской ярмарки!* — Вѣрно какой нибудь извѣстнѣйшій Липерапуръ написалъ полную рецензію *Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька*, послѣ чего куда уже простому Малорос-

(*) Общественное собраніе поселянъ, мірская сходка.

сіянину съ его мыслями? — Но прочитавши означенное письмо, успокоился. — Въ письмѣ семь нѣтъ ни какой рецензіи. — Оно наполнено обыкновенными привѣтствіями Литературныхъ Прибавленій Издапелю Московскаго Телеграфа. — Это *пересмѣшникъ*, который веселилъ небольшой кружокъ своихъ читателей; старая пѣсня, и на старый ладъ! Нечего мнѣ останавливаться. Посмотримъ II-ю главу *Сорогинской ярмарки*.

Эпиграфъ написанъ по-нашему, по-Малороссійски; но все мы, обращаясь къ Господу Богу, говоримъ: Боже Господи! а не Господе! — Видно, Панько употребилъ, вмѣсто *и*, *е*, по нарѣчію своего хутора.

Панько начинаетъ II-ю главу такъ: „Вамъ „вѣрно случалось слышать *гдѣ-то валящійся „отдаленный водопадъ*,” — потомъ говоришь, что на ярмаркѣ народъ *сростается, гогочетъ, гремитъ!* Выраженія сіи ни Русскія, ни Малороссійскія. Ярмарка же описывается имъ живо. Напримѣръ: (стр. 14.) „Ломаются возъ, „звенишь желѣзо; гремяшь сбрасываемыя на „землю доски, и закружившаяся голова недо- „умѣваетъ, куда обратишься.“ Прекрасно! Но пьяный Жидъ, дающій бабѣ какого-то киселя, лице и дѣйствіе неправдоподобныя — и на ярмаркѣ. Въ главѣ сей, извѣстный уже намъ, слишкомъ разгульной парубокъ, герой

Повѣспи, видися съ извѣспною же намъ дѣвучкою — съ черными бровями, равными дугами, поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, и полько.

Въ III-й главѣ Панько рассказываетъ, какъ будто и по-нашему; появившаяся красная свитка — забавна; но его солоній Черевикъ, еще невѣрояшнѣйшій олухъ раненаго казака, о коемъ слышанный анекдотъ помѣщенъ мною выше, а дочка Черевикова какая-то оглашенная! Первый разъ опъ роду на ярмаркѣ, — первый разъ въ жизни видимъ разгульнаго парубка, который пуспилъ комоу грязи въ мачиху, сидѣвшую съ нею на возу, и потчасъ обнимається съ нимъ.

Воля шволя, земляче Паньку, а у насъ всякая молоденькая дѣвучка имѣеть спыдъ и спрахъ Божій, и подобный поступокъ невѣрояшень! А еще невѣрояшнѣе, чтобы парубокъ, какой бы онъ ни былъ гульвисъ, встрѣпившись въ первый разъ въ жизни съ пожилымъ челоуѣкомъ, не зная даже, опкуда онъ, кинувши прежде грязью въ жену, началъ, въ слѣдъ за тѣмъ среди ярмарки, свапашъ дочь его прямо своею особою, и чтобы челоуѣкъ сей (хотя бы и олухъ солоній Черевикъ) потчасъ согласился принятъ его въ свое семейство. — Нѣшь, это не ладно, ей, ей не ладно! Припомъ, самъ скажи: видано ли у насъ, чтобы шестъ

съ нареченнымъ зятемъ запивали руку на руку (сваповство) *могорыиъ*, какъ говоришь ты, и чпобы первый въ священномъ санѣ отца, видя: „какъ нареченный зять его налилъ „кружку, величиною въ полкваршы, и ни мало „не поморщившись выпилъ ее до дна,“ — спаль говоришь своей дочери, въ похвалу жениху ея: „что скажешь, Параска? какого „я тебѣ жениха досталь! — смотри, смотри: „какъ онъ молодецки пьнешъ пѣнную!“

Не знаю, откуда вся эта по нашему *нисенитница*, п. е. ни се, ни по, Паньку на умъ вспала! У насъ сваповство происходитъ заведеннымъ издревле порядкомъ, и порядкомъ торжественнымъ. Родители, намѣревающіеся женить парубка, имѣя на примѣтъ для него невѣсту по ихъ мыслямъ, избирають двухъ пожилыхъ мужчинъ, почепнѣйшихъ въ родствѣ своемъ, слѣдовательно и въ селѣ, (ибо едва ли не всѣ жилили каждаго селенія считающся роднею, разумѣя кумовство, сваповство и проч.) и упрощиваютъ, чпобы они приняли на себя прудъ высватать невѣсту за сына ихъ. — Тогда избранные, называемые *старостами*, идуть съ хлѣбомъ и солью къ родителямъ первой, дѣлають предложеніе, въ выраженіяхъ общихъ, и когда оное бываешь принято благосклонно, старосты перевязываются черезъ плечо ручниками (полощен-

цами), пригото­вляемыми для того невѣстою; и чрезъ нѣкоторое время женихъ, а потомъ родители обѣихъ сторонъ, посѣщая другъ друга, и счи­паясь уже свапами, условливаю­ся на счетъ свадьбы. Ни какой парубокъ у насъ самъ собою не свапается, хотя бы онъ былъ и круглымъ сиротою, а всякой избираетъ и посылаетъ спарость; принимающіе же на себя сію обязан­ность, играють весьма важ­ную роль и на свадьбѣ. Они наблюдаютъ за неу­пустительнымъ исполненіемъ всего свадебнаго церемоніала, ими начинаются по­спы, по ихъ распоряженію играетъ музыка, т. е. скрипка или двѣ, а иногда и съ цимба­лами или басомъ, и по мѣрѣ ихъ зашѣливо­сти всѣ пируютъ и веселятся.

О! сватовство у насъ, свадьбы, *грище* (или танцевальныя деревенскія собранія, для коихъ на Рождество Христо­во парубки дѣлаютъ складчину, выбираютъ изъ себя Ашамановъ и Эсауловъ, нанимають музыку на цѣлую недѣлю, а дѣвушки сносятъ все ими *заколядованное*) и другія народныя увеселенія заклю­чаютъ въ себѣ много ин­тересной спарины! — По любви къ родинѣ, мнѣ бы хотѣлось все это описать; но спашья сія бы­ла бы весьма велика, и для многихъ, не Мало­россиянъ, не занимательна; а потому и оп­кладываю описаніе народныхъ праздни­ствъ до

другаго времени. О колядѣ же считаю нужнымъ сдѣлать маленькое поясненіе:

У насъ, въ Малороссіи, въ вечеру на первый день праздника Рождества Христова, по незапамятному обычаю, въ селахъ, мальчишки, дѣвочки, дѣвки, парубки и наконецъ женщины и пожилые мужчины, соспавляя партіи по возрастамъ и полу, ходящъ ошъ одной хаты до другой по всему селу, поюшъ куплеты, придуманные, можетъ бытъ, еще во времена язычества, что и носишъ на себѣ древнее наименованіе *коляды*. За таковое пѣніе каждая партія получаетъ ошъ хозяевъ хаты, по возможности послѣднихъ: колбасы, сало, кныши или боханцы (родъ хлѣбовъ пшеничныхъ и грѣчевыхъ), иногда по нѣскольку грошей, а нѣкоторые изъ зажиточнѣйшихъ хозяевъ подчиваютъ женщинъ и пожилыхъ мужчинъ и горьлкою. Все, такимъ образомъ заколядованное дѣвушками, какъ я выше сказалъ, сносишя ими въ ту хату, въ которой учреждается *грище*, и послѣ танцевъ употребляется для закусокъ собранія.

Виновашъ, опять я заговорилъся. — Эпиродные обычаи и спарина пропивъ воли лѣзущъ въ голову; но и *Сорогинская ярмарка* не выходитъ изъ оной.

Въ эпиграфѣ IV главы сей Повѣсти есть также промахъ. Славный Поэтъ Малороссіи,

Г. Копляревскій, конечно не написалъ въ своей Энеидѣ :

Хоть *головикамъ* не онее, да коли жинци бачишь иее, — а вѣрно написано имъ :

Хоть *чоловикъ* и не онее, — но въ эпюмъ можеть бышь и не Панько виновашъ; а вошь нижеслѣдующее его работы :

„Ну, жинка!“ — началъ Черевикъ, — „а я нашель жениха дочкѣ!“

„Вошь какъ разъ до того пеперь,“ опвѣчаетъ Хивря : „чшобы жениховъ опыски-вашъ. Дурень, дурень!“ (Спр. 24) И дѣльно, я по же скажу. На ярмаркѣ добрые люди чшо нибудь продають или покупають, а не щупь жениховъ межъ народомъ, Богъ-знаешъ, откуда наѣхавшимъ! Не диво попасть на какого нибудь сорванца, какъ случилось и съ Черевикомъ. — Похвала парубку, копорый духомъ выпянуль полкваршы, не поморщившись, и припомъ тому самому, копорый *заклеилъ образину* (спр. 36) Хиври, — по всей справедливости озлила сію послѣднюю. Она, право, мало еще бранила такога глупца, какъ ея Черевикъ; но выраженіе ея : „куда же ты запрягашъ дурацкіе глаза свои,“ (спр. 25) — опяшь ни Русское, ни Малороссійское.

Въ V-й главѣ продолжается живое описаніе ярмарки, и Цыганъ нарисованъ яркими красками; но какъ онъ, коему „одна только

„награда есть на землѣ висѣлица“ (спр. 31), бродяга скидающійся по всей Россіи; то и не имѣешь мѣста въ картинѣ, представляющей народный бытъ честныхъ и богобоязливыхъ коренныхъ жителей Малороссіи.

Цыганы, шапаясь по бѣлу-свѣшу, гадаютъ, лгутъ и обманываютъ легковѣрныхъ; но какимъ образомъ это въ висѣльникъ узналъ насъ, чю парубокъ въ бѣлой свѣшкѣ, коего зовутъ, какъ намъ сдѣлалось наконецъ извѣстно, Грицькомъ, навязалъ себѣ невѣсту (спр. 29) — шутъ необходима развязка.

Свиданіе въ VI главѣ Хиври съ новымъ лицомъ, поповичемъ: какъ, для кого? Въ описаніи же онаго Панько не мудритъ, — и лучше.

Въ VII-й главѣ опять показалась страшная уже красная свитка. „Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ упихнувшаго табора.“ Ярмарку шаборомъ у насъ никто не называетъ. Таборъ у насъ издревле лагерь; никто также не говоритъ: *продавица бубликъ* (спр. 38), а всякой Малороссіянинъ, или Русскій скажетъ: *продавица бубликовъ*; слѣдовательно и это ни по-Русски, ни по-Малороссійски. За то хвастовство кума (спр. 41), „что сапана? плюйте ему на голову!“, хотя бы сію же минушу вздумалось ему „спать вошь здѣсь, напримѣръ, предо мною:

„будь я собачій сынъ, если не поднесь бы
 „ему дулю подъ самый носъ!“ — выражено
 испинно по-нашему; и разсказъ его о крас-
 ной свипкѣ — вообще инпересень. Жаль
 полько, что я читалъ когда-то подобный
 анекдотъ о духѣ въ скляночкѣ, въ собраніи
 сказокъ подъ пышнымъ заглавіемъ книги:
Влѣкъ рыцарства.

Въ VIII-й главѣ, поповичъ, любовникъ
 Хиври, спрятавшійся между плащемъ, развѣ-
 шаннымъ на доскахъ, подъ посылкомъ ку-
 мовой хашы, падаетъ въ то самое время,
 когда общество напугано уже было свиною
 рожей, выпавившейся въ разбитое окно, и
 страхъ усугубляется. Это натурально, хотя
 и не ново. „Но ползущаго чловѣка въ су-
 „доргахъ, подъ подоль своей супруги,“ (спр.
 51) — доселѣ еще никто не представлялъ
 въ печатной Русской книжкѣ, и такая но-
 вость не всякому можетъ нравиться.

Въ IX-й главѣ: „баба взлѣзла на чловѣ-
 „ка (спр. 54),“ — то былъ Солопій Черев-
 вникъ и его Хивря, выбѣжавшіе изъ кумовой
 хашы, при общемъ испугѣ, и коихъ Цыганы
 нашли ночью на улицѣ въ такомъ положеніи.
 Въ X-й, — разбуженный женою Черевникъ
 хопѣлъ умышья, первая подала ему руч-
 никъ; но вмѣсто онаго очутился *красный*

обшлагъ свитки. Въ слѣдъ за симъ, Черевикъ началъ было продавать вышеописанному Цыгану свою кобылу, копорая вдругъ исчезла у него изъ рукъ; осталась одна только узда, и привязанный къ оной кусокъ *краснаго рукава!* Такія неимовѣрныя чудеса заставили его снова бѣжать, куда глаза глядятъ. Въ XI-й главѣ ловятъ Солопія Черевика сговорившіеся парубки, коими предводительствуютъ извѣстный намъ Грицько; вяжутъ его какъ вора, вмѣстѣ съ кумомъ, неизвѣстно для чего, также ими пойманнымъ, а въ XII-й, Грицько ихъ освобождаетъ съ условіемъ, чтобы Солопій отдалъ за него дочь свою, на что сей соглашается, и съ тѣмъ еще, чтобы въ тотъ же день была свадьба. Главу сію заключаетъ помянутый Цыганъ, говоря: „что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло?“ — Какимъ образомъ узналъ Цыганъ, какъ мною выше замѣчено, о неудачномъ сватовствѣ Грицька? Кто перепугалъ бесѣдовавшихъ въ хатѣ у кума, выспавя, въ разбитое кѣмъ-то окно, свиную рожу? — Какимъ чудомъ, среди бѣлаго дня, у Черевика, не спяго, вдругъ исчезла изъ рукъ кобыла, и осталась въ нихъ одна только уздечка, съ привязаннымъ къ оной кускомъ краснаго сукна? или вмѣсто ручника очутился красный обшлагъ? Земляку моему Паньку не угодно было объяс-

нишь всего этого, и вмѣсто развязки сполькимъ чудесамъ, онъ предоставилъ намъ, какъ кажется, догадываться, что всѣ сіи фокусы продѣланы Цыганомъ. — Такъ вопшь для чего онъ замѣшалъ его между Малороссіянами! Намѣреніе ладно; но мало ли кто что думаетъ, и не выполняетъ! Въ XIII-й главѣ, дочь Черевикова грустно мечтаетъ о своемъ любовномъ парубкѣ; вдругъ вздумалось ей танцовать и пѣть одной въ хашѣ; въ то самое время входитъ отецъ, глядитъ на дочь, „слышишь знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ зашевелились, гордо подбоченившись выступилъ онъ впередъ, и пустился въ присядку.“ (стр. 72) *Цуръ, дурню!* сказалъ бы ему всякой, но кумъ его ограничился однимъ хохомъ. — Эдакихъ олуховъ Паньку довелось знать между спешенными поселянами нашими! Гдѣ видано, гдѣ слыхано, чтобы бацько пошелъ у насъ въ присядку передъ дочкою? Да сколько же лѣтъ Солопію Черевіку, выдающему дочь замужъ? Конечно больше сорока; ибо у насъ не слишкомъ рано женятся, а подъ пятьдесятъ присѣсть можно, — ни слова, да каково-то вспанешь? Другое дѣло ударить *тропака* подъ пьяную руку, а въ присядку пусть парубки пляшутъ!

Дурень Черевикъ присядкою началъ сва-

дебный пиръ, ибо въ слѣдъ за тѣмъ: „Отъ
 „одного удара смычкомъ музыканта въ сер-
 „мяжной свисткѣ, все неслось, — все панцо-
 „вало“ (стр. 74).

И такъ свадьба затѣялась и совершилась на ярмаркѣ. Это даже неправдоподобно! Возможно ли, чтобы поселяне Малороссіи, строго наблюдающіе обычаи, освященные временемъ, такой поржественный обрядъ, какъ свадьба, спали праздновать среди ярмарки, пріѣхавши на оную для продажи пшеницы и кобылы? Развѣ Солопій и Хивря Цыганы, неимѣющіе своей собственной хаты? Развѣ у нихъ и у дочки нѣтъ ни роду, ни племени? Развѣ всѣ они и женихъ не Христіане православные, а дѣйствительно Цыганы невѣрные, безпріютные? Нѣтъ, брате Паньку! первая Повѣсть швоя, подъ заглавіемъ *Сорочинская ярмарка*, не доведена до ладу, жопя и есть въ оной мѣста хорошія. Посмотримъ слѣдующую: *Вечеръ на канунъ Ивана Купалы*.

Эта Повѣсть, по правдѣ сказать, рассказана такъ, хоть бы и не Пасичнику Рудому Паньку. Слогъ ровный, нѣтъ ничего высокопарнаго, планъ Автора выполненъ. Словомъ сказать, Повѣсть сія вообще прекрасна. Хотѣлось было уже приняться за другую; да чтобы не подумали, что я только пробѣжалъ *Вечеръ на канунъ Ивана Купалы*, подо-

бно многимъ рецензентамъ журнальнымъ, — касаюсь, пропиву желанія моего, къ нѣкопорымъ песпрѣющимъ мѣстамъ гладкой Повѣспи. Въ самомъ лучшемъ цвѣтницѣ, при всемъ попеченіи объ ономъ, проскакиваютъ иногда стебельки бурьяну, которые пошчасъ и выдергиваются.

На страницѣ 86, Панько говоритъ: *провозитъ попа въ рѣшетъ, значитъ по-нашему солгать на исповѣди.* Нѣтъ! У насъ спращаютъ предъ исповѣдью, разумѣется, дѣтей пѣмъ, что за грѣхи попъ наложитъ покушу (эпипимію) возитъ себя въ рѣшетъ вокругъ церкви; но что было поводомъ такой выдумки въ народѣ, я не могъ добиться толку. На стр. 96 сказано, будто бы понамарь каждый день отпрапляется съ кошелькомъ по церкви. Всякому извѣстно, что въ деревенскихъ церквахъ не каждый день бываетъ служеніе. (На стр. 107): — „Вѣдьма топнула ногою: синее пламя выхватилося изъ земли; середина ея все освѣщилась.“ Здѣсь должна быть описка, или опечатка. А вопшь (стр. 109) выходитъ что то, совсѣмъ уже не гладко. Только что *Петрусь*, проснувшись отъ двухъ-дневнаго сна, послѣ ужасной для него ночи, въ которую онъ пролилъ кровь невиннаго младенца, увидѣлъ у ногъ своихъ мѣшки съ золомомъ, въ ту са-

мую минути опкуда ни взялся Коржъ, (слишкомъ невѣжливо проводившій его изъ сѣней опъ своей дочери, когда онъ не имѣлъ ничего кромѣ сѣрой свитки), и разнѣжился передъ нимъ. Какимъ образомъ, мгновенно, можно сказать, узналъ Коржъ, что Пепрусъ вдругъ такъ разбогатѣлъ? Опкуда взялась также внезапно Пидорка, дочь Коржа, и невѣста Пепруса? „Дивно только показалось „Пидоркѣ,“ говоритъ Панько: „когда спала,“ рассказываетъ, какъ проходившіе мимо Цыганы украли Ивася,“ брата ея. Кому спало дивно: ей ли, или кому другому? — не угадаешь. Не менѣе загадочно равнодушіе Коржа, лишившагося любезнаго сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нѣжно заботящагося о прогнанномъ имъ Пепрусѣ, осмѣлившемся въ бѣдности цѣловать дочь его. Обстоятельствва сіи требуютъ поясненія.

Преданіе себя Пепрусемъ во власть сатаны за золото, и убійство, совершенное имъ, — опвращительно въ сей Повѣсти; но описаніе такихъ ужасовъ шеперь въ ходу. — Фаустъ Гёте, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, Жуковского, и еще нѣкоторыя Повѣсти и Баллады, взбѣлили многихъ; и слабымъ подражаніямъ нѣсть конца, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней! Сюда однако же неидеть Вечеръ на канунъ

Ивана Купалы. — Пусть подобныя вечера только пишушся; за чипапеллями у насъ теперь дѣло не спанеть.

Третья Повѣсть, подъ заглавiемъ: *Майская ночь, или Утопленница.*

Въ этой сказкѣ Панько опять началъ, выражаясь его же словомъ, изъ эпитафiа къ сей Повѣсти, *мудроватыца.*

„Было по время,“ говоритъ онъ: „когда „упомленные дневными трудами и заботами, „парубки и дѣвушки шумно собирались въ „кружокъ, въ блескѣ чистаго вечера, выливають свое веселье въ звуки.“ — Выливають веселье въ звуки, выраженiе совершенно новое, и, какъ мнѣ кажется, не весьма счастливое. — „Съ бандурою въ рукахъ пробирался „ускользнувшiй отъ нѣсельниковъ молодой „казакъ Левко.“ — Вотъ я и подумалъ: вѣрно это какой-нибудь бандуристъ; но дочитавши до точки, и узнавши, что то былъ „сынъ Головы“ (стр. 119 и 130), — не могу не спросить Панька, гдѣ онъ видѣлъ своего виртуоза. У насъ играютъ на бандурѣ или слѣпые, или казачки, выученные на семь инструментовъ, для утѣхи праздныхъ паньчей и пановъ. — Другое дѣло на балалайкѣ; на оной и у насъ бречать многіе парубки, — а чтобы сынъ почетнаго казака и при томъ Головы, управляющаго волосью, изъ нѣсколь-

кихъ тысячъ душъ соспоящею, — ходилъ съ бандурой по улицамъ, — это не похоже на дѣло. — Но и по правда: что село, по и обычай! Можешь бышь, и въ самомъ дѣлѣ на хуторѣ, гдѣ живешь Панько, есть молодой казакъ, играющій на бандурѣ. Подошедши къ хатѣ своей любезной, Левко восклицаетъ: „Галю, Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйши? Ты боишься вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можешь бышь, показать бѣлое личико на холодѣ!“ — Изъ предъидущаго всякой видить, что сіе происходитъ въ лѣтній вечеръ, „когда синѣешь теплое Украинское небо,“ какъ сказано въ послѣдствіи, — о какомъ же холодѣ Левко полкуетъ? „Я прикрою тебя свиткою,“ продолжаетъ онъ: „обмотаю своимъ поясомъ.... Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя по-ближе къ сердцу, опогрѣю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. — Сердце мое, рыбка моя, ожерелье!“ — Экія нѣжности влагаешь Панько въ уста сельскаго любовника, и въ выраженіяхъ, припомъ, ни Русскихъ, ни Малороссійскихъ, а пуще всего, *ожерелье* поспавишь хоть какого Левка въ шупикъ.

Но вопъ вышла къ Левку и Галя; „обвишная сумерками, и потопивъ въ него свои очи“ (стр. 132 и 733), говоритъ ему, между

прочимъ: „я тебя люблю, чернобровый ка-
 „закъ! за то люблю, что у тебя карія очи...
 „что привѣпливо моргаешь ны чернымъ
 „усомъ своимъ; что ны идешь по улицѣ,
 „поешь и играешь на бандурѣ и любо слу-
 „шаешь тебя“ (спр. 134). Чтобы наша по-
 селянка, хотя бы она была *обвитая и сумер-*
ками, изъяснила любовь свою въ подобныхъ
 выраженіяхъ, сего никто не докажетъ — ссы-
 лаюсь на всѣхъ земляковъ моихъ! Нѣтъ! вы-
 раженія сіи конечно взяты изъ пѣсни, дѣвушка
 же наша отвѣчала бы вмѣсто всякаго
 многословія, — просто: *Левусю, серденько, и*
я люблю тебя! — Вотъ языкъ сердца! А
 чтобы сынъ сказалъ про отца роднаго:
 „пришворился старый хрѣвъ“ (спр. 135),
 этого бытъ не можетъ.

Левко и Галя, любовники, какъ мы ви-
 димъ, изъяснивши не по-нашему взаимныя
 чувствованія, пустились въ разговоры: о
 звѣздочкахъ, о высотѣ небесной, о деревѣ и
 о лѣспницѣ, по которымъ Богъ сходитъ на
 грѣшную землю нашу, и наконецъ Галя, или
 лучше сказать, Пасичникъ Рудый - Панько,
 винійствуешь за нее: „какъ шихо колышеш-
 „ся вода, будто дитя въ люлькѣ, и указывая
 „на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ
 „кленовымъ лѣсомъ, и оплакиваемый вербами,
 „попопившими въ немъ жалобныя свои вѣш-

„ви. Какъ безсильный спарець, держаль онъ
 „въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое,
 „темное небо, обсыпая ледяными поцѣлуями
 „огненные звѣзды, копорыя пускло рѣяли
 „среди шеплаго океана ночнаго воздуха, какъ
 „бы предчувствуя скорое появленіе блиста-
 „тельного царя ночи.“ (спр. 137). — Кого
 Панько уподобляетъ безсильному спарцу?
 Ей ей! не скоро догадаешься! Да и вся сія
 высокопарность напьянула. Холодные объ-
 ятія, ледяные поцѣлуи, и вмѣстѣ съ тѣмъ
 теплый океанъ ночнаго воздуха, рѣяніе звѣздъ
 и проч. — мудрено, виіеваемо! Эпо ли
 языкъ простенькой поселяночки Гали?

Но вопъ, по просьбѣ ея, Левко началъ
 сказку, заключающуюся въ повѣспи объ нихъ,
 (т. е. объ Левкѣ и Галѣ), копорая оканчи-
 ваенся также сказочно. — „Ну, слушай“ гово-
 ритъ Левко.... „У сонника была дочка, ясная
 „панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ швое ли-
 „чико. Сонникова жена давно уже умерла;
 „задумалъ сонникъ жениться на другой. Бу-
 „дешь ли ты меня нѣжипъ по старому,
 „бапъку, когда возьмешь другую жену? Буду,
 „моя дочка.“ (Спр. 139). — Мнѣ кажется,
 не лишнее было бы шупъ вписать послѣ
 вопроса, что оный сдѣланъ дочкою сонника;
 но Панько любитъ оставлять многое на до-
 гадку читателя.

Сказку, рассказываемую Левкомъ по нашему, проспо и занимательно, прервала *ватага парубковъ*, изъ коихъ каждый поцѣловалъ Галю, и она скрылась въ хашу. — Сцена сія списана съ натуры; въ эпюмъ надобно опдашь полную справедливостъ Паньку. Далѣе, Украинская ночь изображена имъ также прекрасно, исключая повпореній: „Боже, ственная ночь! очаровапельная ночь!“ кои песпряшъ слогъ безъ всякой надобности; „а величеспвенный *гроль* Украинскаго соловья,“ — нарушаетъ общую пріятную дремоту: лучше, ежели бы онъ пѣлъ, какъ поюшъ всѣ соловьи на свѣпшѣ.

Разговоръ съ самимъ собою пьянаго Каленика и пупешеспвіе его по селу, размѣшашъ хощъ кого. — Признаюсь, я хохоталъ опъ души, и воображалъ себя среди любезной Малороссіи: такъ живо, такъ натурально изображень Панькомъ Каленикъ, танцюющій гопака не въ попадъ, и бранящій, между пѣмъ, Голову. „Я самъ себѣ голова. Вопшъ, „убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ себѣ голова. Вопшъ что, а не то что . . .“ Безподобно! кажется, какъ будто самъ, увлеченный любопытспвомъ, слѣдуешь за Каленикомъ, и глядишь, какъ онъ, „подходя къ „первой, попавшейся ему хашѣ, въ пьяномъ „раздумьѣ, остановился передъ окошкомъ, и

„скользя пальцами по стеклу, спарается
 „найди деревянную ручку двери; кажется,
 „слышишь крикъ его: баба, отворяй! Баба
 „живый, говорятъ тебѣ, отворяй! казаку
 „спать пора.“ (Спр. 148 и 149.)

Но въ описаніи Головы, хотя и есть
 черты характеризующія лице сіе, но есть
 и несообразности. Воспоминаніе Головы при
 всякомъ случаѣ, „когда блаженной памяти
 „Великая Царица Екатерина ѣздила въ
 „Крымъ; когда онъ былъ выбранъ въ прово-
 „жатые; цѣлые два дня находился въ этой
 „должности, и даже удостоился сидѣть на
 „козлахъ съ Царицынымъ кучеромъ,“ — при-
 надлежитъ не ему одному, а всему народу.
 Какъ часто мнѣ самому случалось слышать
 отъ современниковъ сего поржественнаго
 путешествія незабвенной Монархини, сыпав-
 шей благодѣтельной десницею милости и
 благошворенія на любезный ей народъ свой!
 Какъ часто я видѣлъ слезы умиленія и благо-
 дарности, блиставшія сквозь убѣленные вре-
 менемъ рѣсницы признательнаго поселянина!
 Но обратимся къ Головѣ. „О, это важное ли-
 „це на селѣ!“ — говоритъ Панько.

Не въ одномъ селѣ, а въ цѣлой волости,
 должно бы сказать.

„Кто бы изъ парубковъ, продолжаетъ
 онъ: „не захотѣлъ бытъ Головой?“ (спр. 150.)

— Это все по же, что сказать: кто бы из канцеляристовъ Повѣтоваго Суда не захотѣлъ быть Губернскимъ Маршаломъ? или кто бы изъ Писателей-Романистовъ нашихъ не захотѣлъ содѣлаться вдругъ знаменитымъ Вальтеръ-Скопшомъ? Волостныя Головы избираются въ Малороссіи изъ казачьяго званія, люди самые почтеннѣйшіе, приобрѣвшіе довѣріе лѣтами и опытностію, въ каковомъ избраніи парубки, т. е. молодые неженатые люди, даже и голоса не имѣютъ. Откуда же родится мысль въ головѣ парубка быть Головою? а о томъ, что будетъ подъ спаросіть, конечно ни одинъ изъ нихъ въ простомъ земледѣльческомъ быту своемъ такъ далеко не мечтаетъ.

О! Голова у насъ дѣйствительно лице весьма важное между поселянами. Онъ ближайшій ихъ начальникъ, покровитель, и любимая въ волосняхъ Голова, по истинѣ, могутъ гордиться своимъ званіемъ, что нѣкоторые себѣ и позволяютъ, чувствуя собственное достоинство.

Мнѣ рассказывалъ одинъ изъ современниковъ путешествія Великой Екатерины по южнымъ провинціямъ, слѣдующій анекдотъ, увѣряя въ истинѣ онаго:

Назначенный Губернаторъ, проѣзжая мѣстечко Рѣщепиловку въ дождливое время,

принужденъ былъ сойти съ экипажа, увязшаго въ грязь по самыя спупицы, и шель пѣшкомъ, разумѣется, не въ веселомъ расположеніи духа. На встрѣчу ему попадаетъ человѣкъ высокаго роста, съ длинными, съдыми усами, въ синей киреѣ, съ видлогою (*), подбишою алымъ сукномъ, въ высокой сивой шапкѣ изъ Крымскихъ барашковъ, наклоненной на лѣвую сторону, и съ длинною камышевою палкою съ большимъ серебрянымъ набалдачникомъ. Губернаторъ остановилъ важно шествующаго по грязи и глядящаго въ верхъ Малороссіянина, началъ бранишь дорогу, сердился на безпорядокъ въ мѣстечкѣ; досталось шупъ и Коммиссару, несправившему мостковъ и гапей для проѣзда Его Превосходительства, и наконецъ грозно спросилъ встрѣтившагося съ нимъ и стоявшаго передъ нимъ въ шапкѣ, равнодушнаго слушателя брани: „Да ты что, десятской что-ли?“ — „Подымай выше!“ возразилъ казакъ съ досаднымъ хладнокровіемъ, не допрогиваясь до высокой своей сивой шапки, и опершись подбородкомъ на серебряный набалдачникъ прости. — „Ну, выборный? говори же!“ продолжаетъ Губернаторъ. — „Подымай еще вы-

(*) Кирея родъ широкаго чекменя, а видлога родъ капишона.

ше, если хочешь!“ повпоряесть казакъ, съ шѣмъ же непоколебимымъ хладнокровіемъ. — Да кой-же ты чортъ,“ сказалъ наконецъ еще болѣе разсерженный Губернапоръ: „Голова, что-ли?“ — Послѣ сего казакъ, поправивъ усы, скинулъ шапку, поклонился въ знакъ согласія, примолвивъ: „такъ, по выбору честной громады!“ и помолчавши нѣсколько, спросилъ въ свою очередь: „а вы, пане, кто?“ — „Ты видишь! — Вижу,“ прервалъ Голова: „что пань; да у насъ есть множество пановъ, да еще и сердитыхъ!“ и снова надѣлъ шапку, и надвинулъ ее къ самымъ сѣдымъ бровямъ своимъ. „Я Губернапоръ! — слышишь ли?“ Услышавъ сіе, Голова ни сколько не смѣшался; опять скинулъ почтительно шапку, поклонился въ поясъ по обычаю, и послѣ обыкновеннаго привѣтствія, сказалъ Губернапору: „Давно бы такъ сказали, добродію! а по вы гнѣвались, — а мнѣ и не въ догадъ, что вы новый начальникъ; старый нашъ Губернапоръ, поздоровъ его Боже! всегда былъ такой милоспивый ко мнѣ старому; проѣзжая Рѣшепиловку, всегда бывало опдыхалъ въ моей смиренной хатѣ, кушалъ борщъ и кашу, изгоповленные моею невѣспкою; да благословишь его Господь милосердый на всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ни обрѣщается! То-то былъ пань добрый! Разъ, проѣзжая мѣстечко наше

въ самую грязь, такъ же какъ и ваша милость, карета, знаете, тяжелая, лошади спали, — ни съ мѣста, онъ, милоспивецъ нашъ, пришелъ ко мнѣ весь въ пошу, пащившись болѣе версты пѣшкомъ по грязи; пока я успѣлъ надѣть жупанъ, а онъ уже — попребовавъ воды, умылся, и встрѣпилъ меня съ обычною своею ласковостію. Ну, говоришь, Кирило, что у васъ за грязь такая? Нельзя ли какъ нибудь подгашишь дорогу? — Не можно, добродію! опвѣчалъ я; мѣспечко, знаете, *сидитъ* на болотѣ; сегодня подгашимъ, а завтра опять будетъ такая же грязь, только еще гуще, такъ, что парюю добрыхъ чумацкихъ воловъ и порожняго во-за не выпянешь. — Вели же скорѣе послашь пары двѣ воловъ къ моей каретѣ. Да мы, добродію, карету вашей милости на себѣ выпашимъ! Тупъ я заразъ раздѣлся, чтобы способнѣе было и самому похлопаться въ грязи, кинулся за людьми, — глядь, — а карету народъ почти на рукахъ пащитъ. Услыхали, изволише видѣть, что добрый нашъ Губернапоръ загрузъ, такъ и безъ зову кинулися и старый и малый. Мы, знаете, люди простые; для такихъ пановъ, которые насъ жалуютъ, ради и въ огонь и въ воду. — Старый Губернапоръ, примѣня межъ полною свою карету, позвалъ народъ къ моей хашѣ,

приказаль было принесть ведра два горѣлки, и я насилу упросилъ его позволишь мнѣ поподчивать добрыхъ людей, да и самому выпить на здоровье его милости. При семь случаѣ гуляли мы, прошу покорнѣйше проспить, опѣ обѣдней поры до самага вечера.“

— Тупъ новый Губернапоръ, человекъ умный, остановилъ Кирила, снялъ шляпу, и просилъ, чшобы и его полюбили пакъ, какъ предмѣспника его. — Имѣяй уши слышати да слышишь! Могій вмѣспити, да вмѣспитъ! присовокупилъ къ сему разскащикъ съ двусмысленною улыбкою.

Изъ анекдота сего можно сдѣлать заключеніе о волоспныхъ Головахъ нашихъ, и о томъ, какъ они о себѣ думаютъ. Посмопримъ же теперь опять Голову, представляемаго Панькомъ.

Сынъ Головы, Левко, распавшись съ товарищами, хотѣлъ еще разъ попрощаться съ Галею; подходишь къ ея хатѣ, видишь, что Галя спойтъ съ какимъ-то высокимъ человекомъ, и спрятавшись за дерево, слышишь, что она произнесла его имя. „Левко? „Левко еще молокосось! говорилъ хрипло въ „сокій человекъ. Если я встрѣчу его когда нибудь у тебя, я его выдеру за чубь...“ Досадно было сіе Левку, однако же ему хотѣлось подслушать, что будетъ говорить

далѣе. — „Незнакомецъ продолжалъ такъ
 „пихо, что нельзя было ничего разслушать.
 „Какъ тебѣ не стыдно! сказала Ганна, по
 „окончаніи его рѣчи. Ты лжешь, ты обма-
 „нываешь меня; ты меня не любишь; я нико-
 „гда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!“ —
 Какова же Ганна! Кто бы подумалъ, что
 она такая кокетка? Левко долженъ бы рваться
 отъ досады и ревности! Но разговоръ ея
 оставленъ Авпоромъ безъ развязки, какъ
 будто онаго и вовсе не происходило. Влю-
 бленный Левко ничего не видалъ шупъ дурна-
 го, — а разсердившись за одного только се-
 бя, хотѣлъ было дать преуха незнакомцу,
 „и осполбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ
 „споялъ отецъ его,“ имѣвшій свиданіе съ
 Ганною: поясненіе сіе необходимо, ибо безъ
 онаго можно подумать, что Голова очутился
 передъ сыномъ случайно, и что Ганна раз-
 говаривала съ какимъ-нибудъ другимъ высо-
 кимъ человѣкомъ. — Послѣ сего Ганна по-
 спѣшно опять влѣшля въ хашу. Голова, ра-
 зогнавши парубковъ, повиснувшихъ ему на
 шею, принимая его въ темнотѣ, разумѣется,
 за Ганну, отправился домой, — а Левко
 спалъ кричашъ: „Гей хлопцы! сюда! сюда!
 „махая рукою къ парубкамъ, которые вновь
 собирались въ кучу (Смр. 159). Услышавъ
 крикъ и ночью, не диковина; но увидѣвъ ма-

ханіе рукою, погда, какъ высокій Голова могъ показаться молоденькою дѣвушкою, — мудро; въ этомъ всякой со мною согласится.

Раздосадованный Левко уговариваетъ собравшихся парубковъ побѣситъ хорошенько опца своего, „попередѣвавшись, кто во что ни попало,“ учипъ ихъ спѣтъ пѣсню, копорая какъ нарочно сложилась въ умъ его про Голову; — и вся вапага опправляється для исполненія сего, ни съ чѣмъ несообразнаго предложенія въ опношеніи сына къ опцу родному.

Нѣтъ! до такого соблазна въ Малоросіи не дошли еще дѣши наши! Изъ обстоятельство сего видно, что Панько не довольно вникнулъ въ характеры земляковъ своихъ!

Госпящій у Головы винокуръ, лице пре-забавное. Панько изобразилъ намъ его прекрасно; но разсужденіе самого Головы: „что „за дурни, просни Господи, эши Нѣмцы! Я „бы бапогомъ ихъ, собачьихъ дѣшей! Слы-„ханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было „кипяпитъ что! — По этому, ложку бор-„щу нельзя поднести къ рту, не изжаривши „губъ, вмѣсто молодого поросенка?“ — мнѣ кажется не удачно, а особливо заключеніе. Къ чему шупъ прилѣпленъ молодой поросенокъ? За то разсказъ винокура: какъ одинъ захожій, у печи его, удавился галушкою, и

послѣ того, будучи мершвецомъ, не давалъ ей покою, сядя въ всякой вечеръ верхомъ на трубу ея хапы, съ галушкою въ зубахъ — испинно комическое повѣрье народное.

Пѣсня, пропѣтая парубками подъ окномъ у Головы, сложенная сыномъ сего послѣдняго, не дѣлаешь чести трубадуру: во многихъ простонародныхъ пѣсняхъ Малороссійскихъ гораздо болѣе складу, нежели въ семъ смѣшеніи нарѣчій Малороссійскаго съ Русскимъ. Въ самыхъ первыхъ двухъ стихахъ:

„Хлопцы слышали ли вы?

„Наши ль головы не крѣпки!“

не доберемся толку, — а третій стихъ во впоромъ куплетѣ, и печатать бы не слѣдовало. Но какъ пѣсня сія сложилась вдругъ въ голову огорченнаго, и онъ не изъ привилегированныхъ Поэтовъ, то и разбираешь ее далѣе не для чего.

Дерзость парубковъ и пѣсня, въ которой, по замѣчанію винокура, „они поминали „Голову, не совсѣмъ благоприспойными словами..“ — разсердили сего послѣдняго. Выскочивши на улицу, онъ схватилъ челоуѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ шулупѣ съ длинною бородою и съ размалеванною рожею, и пощипалъ его въ сѣни. Переряженный такимъ образомъ челоуѣкъ, „не оказывая ни какого сопротивле-

„нія, спокойно слѣдовалъ за нимъ, какъ буд-
 „шо въ свою хату.“ (Стр. 174.) „Десяпскій
 „забречалъ небольшимъ висячимъ замкомъ
 „въ сѣняхъ и отворилъ камору. — Въ это
 „самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою
 „сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною
 „силою изъ рукъ его.“ Прошу замѣшить не-
 обыкновенную силу пойманнаго. — „Куда?
 „закричалъ Голова, ухвативъ его еще крѣпче
 „за воротъ. Пуссти, это я! слышался понень-
 „кій голосъ. Не поможешъ! не поможешъ,
 „братъ! вскричалъ Голова. — Визжи себѣ
 „хоть чортомъ, не только бабою, меня не
 „проведешъ! и толкнулъ его въ темную ка-
 „мору пакъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ,
 „упавши на полъ.“ (Стр. 175.)

Послѣ сего подвига Голова съ прочими
 отправился къ писарю, который попался имъ
 на встрѣчу, и разсказалъ, что и онъ поймалъ
 переряженаго такимъ же образомъ челоуѣка,
 и заперъ его въ той хатѣ, гдѣ держуть ко-
 лодниковъ. Тутъ начался споръ между писа-
 ремъ и головою о томъ, у кого сидитъ пе-
 реряженный сорванецъ. „Давайше огня! огонь
 „принесли, дверь отворили, и Голова ах-
 „нулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою
 „свояченицу,“ живущую у него, которая и
 напустилась за то, что онъ, схвативши ее
 желѣзными своими лапами, толкнулъ въ

кабору. „Счаспіе, говорила свояченица,
 „что не ударилаь головою объ желѣзный
 „крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это
 „я?“ (Спр. 178.)

„Да, я вижу, что это ты!“ сказалъ Го-
 лова, очнувшись. „Что скажешь, панъ пи-
 „сарь; не шельма ли этошь проклятый со-
 „рви-голова.“

„Шельма, панъ Голова.“ (спр. 179).

Все сіе происходишь, какъ видно, въ до-
 мѣ Головы, куда всѣ они вѣрояшно возвраши-
 лись, хотя Авторъ и не объяснилъ сего, рав-
 номѣрно какъ не объяснилъ онъ и того, ка-
 кимъ образомъ очутилась въ рукахъ Головы
 свояченица его, вмѣсто схваченнаго имъ пе-
 реодѣтаго парубка?? и вышла совершенная
 пуганица, *нисенитница* — по нашему.

Здѣсь я долженъ замѣнить еще, что у
 насъ вовсе нѣтъ въ обыкновеніи, при разго-
 ворѣ, величать другъ друга паномъ. Это
 если и было, такъ было очень давно, и то
 между дворянами, когда еще оспавались въ
 памяти Польскіе обычаи, исчезшіе шеперь
 въ народѣ, спарающемся *закидывать* иногда,
 какъ говоришь у насъ, по-Московски. Но
 посмотримъ, кого-то найдушь Голова съ пи-
 саремъ, винокуромъ и десяпскимъ, въ пош-
 хашѣ, гдѣ держашъ колодниковъ.

„Двери опворились, и ... Голова спалъ

„блѣдень, какъ полошно; винокуръ почув-
 „ствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хо-
 „пѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился
 „въ лицѣ писаря, десяпскіе приросли къ зе-
 „млѣ, и не въ соспояніи были сомкнуть
 „дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ
 „ними стояла свояченица.“ (Спр. 183.) Ее
 приняли за сатану.

„Огня! живѣ огня! закричалъ голова. За-
 „жигай хату, чтобы и костей чортовыхъ не
 „оспалось на землѣ! „Что вы, брашцы! гово-
 „рилъ винокуръ; слава Богу, волосы у васъ
 „чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не
 „нажили: опъ проспаго огня вѣдьма не заго-
 „рится! Только огонь изъ люльки можешъ
 „зажечь оборотня. Постойте, я сей часъ
 „улажу! Сказавши это, высыпалъ онъ горя-
 „чую золу изъ трубки въ пукъ соломы, и
 „началъ раздувать ее. Опчаяніе придало
 „въ это время духу бѣдной свояченицѣ, гром-
 „ко спала она умолять и разувѣрять ихъ.

„Постойте, брашцы! зачѣмъ напрасно
 „грѣха набирашья; можешъ бышь, это не
 „сатана, сказалъ писарь. Если оно, то есть
 „то самое, которое сидишь памъ, согла-
 „сися положить на себя крестное знаме-
 „ніе, то это вѣрный знакъ, что не чоршъ.
 „Предложеніе одобрено. Чуръ меня, сатана!
 „продолжалъ писарь, приложась губами къ

„скважинѣ въ дверяхъ: если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь.

„Дверь отворили.

„Перекрестись! сказалъ Голова, оглядываясь назадъ, какъ будто выбирая мѣсто въ случаѣ ретирады.

Свояченица перекрестилась, (ср. 183. 184 и 185), и рассказала имъ уже на сей разъ: „какъ схватили ее хлопцы въ охапку на улицѣ и не смотря на сопротивленіе, опустили въ широкое окно хаты и заколошили спавшемъ.“

Надобно догадываться, что чрезъ сіе самое окно вылезъ и парубокъ, пойманный писаремъ. Но зачѣмъ эта свояченица, испытавши уже не малый страхъ въ своей каморѣ, опять выбѣжала на улицу? или въ происшествіе сей повѣсти дѣйствительно замѣшался сапана?

Какъ бы то ни было, но винокуръ и писарь списаны съ народныхъ характеровъ живыми красками. Панько представилъ намъ ихъ масперски. Жаль, что онъ поропился, какъ видно; а опъ того въ забавной его картинѣ есть мѣста, неопдѣланныя окончательно, въ чемъ онъ и самъ, полагаю, согласился безпрекословно.

Левко, виновникъ всей этой суматохи, ускользнувши отъ десятскихъ, и не забо-

пшясь обѣ нихъ болѣе , присѣль отдохнуть у пруда , и чуть было не заснулъ шупъ ; но , ободрившись , началъ любоваться природою , описываемою Панькомъ въ семь мѣспѣ слогомъ весьма пріятнымъ , и близкій къ разрушенію , старинный господскій домъ показался Левку великолѣпнымъ. „Сквозь чистыя стекла мелькала позолопа.“ Это уже слишкомъ ; у насъ и теперь такихъ домовъ мнѣ видѣть не случалось , а Левку и во снѣ не можешь приснишься ; ибо онъ о подобномъ великолѣпіи , будучи казакомъ - земледѣльцемъ , конечно не имѣешь ни какой идеи. Изъ окошка выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами. Такимъ образомъ началось продолженіе сказки о сонниковой дочери , которая упопимась черезъ злую свою мачиху , и сдѣлалась начальницею упоплениць.

Левко видить , какъ упопленицы играли въ хороводѣ передъ своею повелительницею ; сія просить его узнать между ними ея мачиху , принявшую видъ ихъ , чрезъ невѣдомое присутствіе коей , первая „не можешь плавать легко и вольно , какъ рыба , а понешь , и падаешь на дно , какъ ключь.“

Въ игрѣ упоплениць въ корона , Левко узнаешь мачиху , и указываетъ ее. За сію услугу повелительница вручаетъ ему записку , которую онъ схватилъ и . . . проснулся.

Слѣдовательно, Левку все это грѣзилось; — посмотримъ. Между тѣмъ надобно сказать, что сказка объ утопленницѣ взята изъ повѣрья народнаго, и рассказана занимательно.

Теперь оканчивается повѣсть, вмѣшанная въ означенную сказку, или въ которую сказка вмѣшана; ибо подъ заглавіемъ: Утопленница, Панько вмѣстилъ и народную сказку, и повѣсть о волосномъ Головѣ, его сынѣ и любезной послѣдняго. Два сіи предмета, происходящіе отъ двухъ различныхъ обстоятельствъ, въ концѣ сказки или повѣсти соединяются какою-то волшебною силою.

Левко, какъ я выше замѣтилъ, во снѣ получилъ записку отъ старшей утопленницы; но проснувшись, дѣйствительно нашель въ рукѣ своей записку, которую, исполняя приказаніе утопленницы, подаль сыскавшему его, отцу своему, Головѣ.

По разсмотрѣннй записки писаремъ, оказалось, что она была написана рукою Коммиссара.

Чуду сему нѣтъ ни какой развязки; оно оспалось чудомъ, какъ для насъ, такъ и для самого Левка; записка же была слѣдующаго содержанія:

„Приказъ Головѣ, Евшуху Макогоненку.
„Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ,

„вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и спрощь пакости. А въ слѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить своего сына, Левка Макогоненка, на казачкѣ изъ вашего села Ганнѣ Петриченковой,“ и проч. Коммиссаръ, опешавшой Поручикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій.

Изъ записки сей всякой Малороссіянинъ видитъ, что Пасичнику Рудому-Паньку никогда не удавалось чинить приказы Комисара по волостямъ.

Подобные, распорядительные приказы пишутся у насъ Коммиссарами въ Волостныя Правленія, а не на имя Головъ, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться, заглянувши въ дѣла любаго волостнаго правленія, проѣзжая Малороссію; да если бы какому нибудь Деркачу и вздумалось бранить письменно Голову дуракомъ, и приказывать ему женить пошчасъ сына, то за брань голова принесъ бы письменную же жалобу, — а приказаніе показалось бы ему шупочнымъ; ибо оно дѣйствительно весьма смѣшное и несообразное съ дѣломъ.

Значеніе волостныхъ, а не одного села Головъ, (каковыхъ въ селѣ не бываетъ, развѣ бы оно состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ), и мнѣніе ихъ о себѣ я описалъ выше

для того, чтобы самъ землякъ мой, Панько, убѣдился теперь въ томъ, что онъ не все знаетъ въ Малороссіи, и что ему нужно, намѣреваясь описывать нравы и обычаи жителей ея, болѣе вникнуть въ сіи предметы, богатые для наблюдательнаго Писателя.

Вышесписанный приказъ Коммиссара такъ подѣйствовалъ на Голову, что сей послѣдній на другой же день назначилъ обвинять сына своего Левка Макогоненка, съ Ганною Пеприченковою. Слѣдъ и оканчивается повѣсть или сказка: Майская ночь, или Упопленца. — За нею слѣдуетъ быть. *Пропавшая грамота.*

Эту быть Панько слышалъ отъ дьячка ***ской церкви.

Послѣ весьма хорошо придуманнаго вступленія, дьячекъ началъ рассказывать, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ его *въ дурня* (въ дурачки). Тутъ потчасъ пришло мнѣ на мысль заглавіе одной книжечки прелезабавной: Быль не быль, однако же и не сказка, и я остановился на томъ, какое бы заглавіе было прилично такой были, въ которой описывается игра въ карты обыкновеннаго человѣка съ вымышленными въ народѣ вѣдьмами? Но вспомнивши остроумную рецензію въ No 243 Сѣверной Пчелы, на Повѣсть Александра Шидловскаго: *Гребенской казакъ,*

— переставилъ слова и вышло: Не сказка, однако же и не былъ. Почему бы Паньку свою былъ прямо не назвать сказкою, когда она естъ въ самомъ дѣлѣ сказка? такъ нѣтъ, шеперь и самыя заглавія должны быть загадочны. Не лучше ли бы держаться того правила, чтобы содержаніе книги опредѣляло заглавіе оной? Юрій Милославскій, и п. п., носятъ названія Романовъ, не заключающія въ себѣ ничего изысканнаго; но слогъ, предметы, вошедшіе въ составъ ихъ, дѣлають сіи просныя заглавія неизгладимыми въ памяти, вмѣстѣ съ именами Авторовъ.

Но обратимся къ дядьку, или лучше къ дѣду его, игравшему нѣкогда съ вѣдьмами въ дурня. Дѣдъ э тотъ былъ грамотный, а въ погдашнія времена, п. е. назадъ тому лѣтъ за 80 или около того, если вѣрять дядьку, „собравши всего Бапурина грамотѣвъ, „по нѣчего и шапки подспавлять, въ одну „горсть можно было всѣхъ уложитъ.“ Шапка для сего и горсть должны-бы были быть шакиа, какихъ ни въ сказкѣ рассказать, ни перомъ написать: ибо во время пребыванія Гешмановъ Малороссійскихъ въ Бапуринѣ, молодые дворяне со всей Малороссіи, грамотные, спекались въ сію резиденцію Гешмана, чтобы начать при немъ службу, и чтобы, пройдя съ перомъ въ рукахъ всѣ мыпарства

канцелярскія, со временемъ бысть Сопниками и такъ далѣе, перемѣняя въ послѣдствіе перо на саблю, сообразно обспояшельспвамъ службы.

17-го Февраля 1750 года избранъ послѣднимъ Гепманомъ Малороссіи Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, и ему дозволено было жить въ Башуринѣ; ибо съ 1708 года (когда 9 Ноября Башуринѣ былъ преданъ огню и мечу), послѣ избранія Гепманомъ Ивана Скоропадскаго, какъ онъ, такъ и слѣдующій за нимъ Гепманъ Даніиль Апостоль, со всѣми управленіями Малороссійскаго края, равно какъ и управленія сіи, между избраніями Гепмановъ, имѣли пребываніе свое въ Глуховѣ.

Не трудно рѣшиться, когда было болѣе грамотѣвъ въ Малороссіи, (не только чшо въ Башуринѣ), во время ли Гепмана или шеперь, принявши въ соображеніе, что тогда Малороссіяне, имѣвшіе дорогу къ почестямъ и достоянію на родинѣ, не многіе искали сего въ Пепербургъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, и что шеперь, напрошивъ того, чувство собственнаго достоинства и бѣдность заспавляютъ большую часть (скажутъ по нашему) голыхъ земляковъ моихъ искать въ столицѣ хлѣба, а оперившись, и почестей. И такъ, я полагаю, всякой согласится, что

при Гешманахъ было болѣе въ краѣ у насъ грамотѣевъ, нежели въ настоящее время; когда они разсѣялись по всему обширному Русскому Государству.

Посему дѣячекъ, вмѣняя въ такое большое достоинство дѣду своему грамотность, не сообразился съ обстоятельствами времени. Равномѣрно не сообразился онъ, или передающій намъ сказку его, Пасичникъ Рудый Панько, и въ помъ, чѣобы Гешманъ Разумовскій посылалъ къ Царицѣ грамоту съ верховымъ гонцемъ, и чѣобы выборъ гонца палъ на такого простака, который зашилъ бы грамоту въ шапку.

Всѣ сіи обстоятельства описаны Панькомъ не въ духѣ того времени, (имѣющаго весьма немного разницы съ настоящимъ). Оправленіе гонца его должно было случиться непременно въ Гешманство Разумовскаго, какъ я замѣнилъ выше: ибо грамота была къ Царицѣ; при Императрицахъ же Екатеринѣ I (*) и Аннѣ Иоанновнѣ, Гешмановъ въ Малороссіи не было; слѣдовательно грамота сія отправлялась къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, или къ Екатеринѣ Великой; а въ царствованіи сіи

(*) Гешманъ Скоропадскій скончался 3 Юля 1722 года, а избранъ послѣ него Гешманомъ Апостоль, 1 Октябрю 1727 года.

существовали уже вездѣ учрежденныя почты. Послѣ сего верховой курьеръ, зашивающій грамошу къ Царицѣ въ шапку, не покажется ли всякому смѣшнымъ? Пропиву сего и самъ Панько, подумавши хорошенько, вѣрно не будешь спорить.

Если въ какомъ нибудь романѣ, или повѣсти, Авторъ касается лицъ или обстоятельствъ, копорыя имѣютъ свое время, онъ обязывается справляться съ тѣмъ временемъ. Это необходимое условіе. Повторяю, что землякъ мой Панько слишкомъ поропился. Ежели онъ мечтаетъ когда нибудь содѣлаться нашимъ Вальперомъ-Скопомъ (чего, да позволено мнѣ будешь опять чиспосердечно пожелать ему), то конечно согласишься, прочитавши всѣ сочиненія сего знаменитаго Шопландскаго Романиста - Историка, въ томъ, что хотя Вальперъ - Скопъ славенъ уже и просто романами, но еще славнѣе соблюденіемъ въ оныхъ вѣрно историческихъ преданій и современности.

Верховой гонецъ, о копоромъ я долженъ былъ говорить, можетъ быть, и слишкомъ долго, прибылъ, какъ повѣствуетъ внукъ его дячекъ, въ Коношпъ (*), на самую ярмарку. Яр-

(*) Стоишь взглянуть на почтовую каршу, и всякой увидишь, что посланный къ Царицѣ даже дороги не зналъ изъ Батурина на сѣверъ: ибо не-

марка сія подобна Сорочинской, и такъ же хорошо описана Панькомъ, какъ и послѣдняя; на Конопопской чипапелъ видипъ такихъ же: и перекупку съ бубликами, и Цыгана, и пьяныхъ гулякъ; слѣдовательно и говорипъ объ ней нечего. Распорощный гонецъ, шапаясь по ярмаркѣ, познакомился съ Запорожцемъ, и уговорились за попойкою ѣхать вмѣстѣ съ приплешшимся къ нимъ прешимъ гулякою. Запорожець, рассказывая имъ на пуши диковинныя исторіи и присказки, съ наступленіемъ ночи пришихъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, и опкрылся, наконецъ, что душа его давно продана нечистому, и что въ ночь эту срокъ молодцу! Гонецъ ни сколько не спрусилъ, и они ѣхали далѣ. Показался огонекъ, подѣхали къ повалившемуся на одну сторону шинку, остановились въ ономъ, выпили еще *треть ведра* горѣлки, и легли спать. Гонецъ, дѣдъ дѣячка, долго бодрствовалъ; но крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый; проснувшись же, не нашель ни Запорожда, ни коней; нечего дѣлать, пошелъ пѣшкомъ. „Хвапился за шапку и шапки „нѣтъ. Всплеснулъ дѣдъ руками, какъ вспо-

 легкая его занесла въ Конопопъ, лежацій 30 верстѣ назадъ, — совсѣмъ въ прошивную сторону.

„мнилъ, что вчера еще помѣнялись они на время съ Запорожцемъ. Разумѣется, шапками. Вотъ тебѣ и Гепманскій гонецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамошу къ Царю!“ После многихъ совѣщаній съ чумаками, также ночевавшими въ шинкѣ, дѣдъ принужденъ былъ купить наставленіе у шинкаря, какимъ образомъ опыскашь свою шапку.

Происшествіе сіе и наставленіе рассказано прекрасно, въ выраженіяхъ народныхъ, и наблюденіе повѣрій не упущено.

По наставленію шинкаря, дѣдъ, съ деньгами въ карманахъ, пробираясь ночью спрашнымъ лѣсомъ, сквозь терновникъ, и попадая иногда на дорожки, какъ обыкновенно говорится въ сказкахъ, выбрался наконецъ на просторное мѣсто, и очутился близъ рѣчки, черной, словно вороненая спаль; на другой сторонѣ рѣчки брезжетъ огонекъ; пришедши къ оному, дѣдъ увидѣлъ возлѣ огня какія-то „смазливья рожи,“ сѣлъ въ кружокъ, и послѣ долгаго молчанія, забравъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги, кинулъ ихъ въ середину сидящихъ. — Черти и вѣдьмы, — ибо это были онѣ, начали плясать. — „Дѣда, не смѣй на страхъ весь, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на Нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостиками, увивались около вѣдьмы“ (стр. 231). Соску-

часъ на бѣсовскомъ пиру, принялся онъ требо-
 вать своей шапки, которую и обѣщано
 ему возвращить, когда онъ сыграетъ съ вѣдь-
 мами при разѣ въ дурня. Подали карты, на-
 чалась игра, описанная мастерски. — Уже
 два раза проигралъ дѣдъ; но за прѣшымъ
 разомъ догадался перекреститься, и выигралъ;
 шупъ шапка бухъ прямехонько ему въ лицо;
 а попомъ и конь его явился передъ нимъ въ
 видѣ скелета. — Чортъ хлопнулъ арапни-
 комъ, конь взвился и понесъ дѣда чрезъ про-
 паси и болоша. „Въ какихъ мѣстахъ онъ
 „не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ
 „разказахъ. — Глянулъ какъ-то себѣ подъ
 „ноги, — и пуце перепугался: пропастъ!
 „крупизна спрашная. — *А сатанинскому*
 „животному и нужды нѣтъ; прямо черезъ
 „нее. — Дѣдъ держался: не шупъ-то было.
 „Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ спрем-
 „главъ въ провалъ, и такъ хвапился на
 „днѣ его о землю, что кажись и духъ
 „вышибло“ (спр. 238) И такъ дѣдъ скакалъ
 на сатанинскомъ животномъ; но какъ онъ
 очутился на конѣ, — не извѣстно; ска-
 зано только, что чортъ хлопнулъ арап-
 никомъ, и конь взвился: надобно догадаться,
 что на немъ сидѣлъ уже дѣдъ, полетѣвшій
 попомъ спремглавъ въ провалъ, гдѣ, „какъ
 „очнулся немного, и осмопрѣлся, то уже

„разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали
 „знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ
 „своей же хапы“ (спр. 238.) Снилось ли все
 сіе дѣду, или принадлежитьъ были, Авпоръ не
 поясняетъ; но первый, вошедши въ хапу,
 видящъ, что жена его „сидитъ передъ греб-
 „немъ, держащъ въ рукахъ верепено и сон-
 „ная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши
 „за руку (кого?), разбудилъ ее: здравствуй,
 „жена! здорова ли ты? Та долго смотрѣла,
 „выпучивши глаза, и наконецъ уже узнала
 „дѣда, и рассказала, какъ ей снилось, что
 „печь ѣдила по хапѣ, выгоняя вонъ лопашою
 „горшки, лоханки....“ — „Ну, говоришь дѣдъ,
 „тебѣ во снѣ, мнѣ на яву.“ — Сямъ кончаеш-
 ся сказка, занимающая болѣе трехъ четвер-
 шей небывалой были, включивъ въ листки
 сей послѣдней и вступленіе. По словамъ дѣ-
 да: „тебѣ со снѣ, мнѣ на яву,“ — должно
 думать, что чертовщина бабѣ грѣзилась, а
 дѣдъ въ самомъ дѣлѣ попалъ было въ пекло;
 но какъ онъ, полѣзъвши спремглавъ въ про-
 валь, очутился, съ окровавленными руками,
 на крышѣ своей хапы, — Авпоръ также не
 поясняетъ; а заставляетъ его „отдохнувши
 „немного, достать коня,“ (по этому коня
 его не шуточно скушали вѣдьмы съ черпя-
 ми?), на которомъ онъ и доѣхалъ уже, не

оспанавливался, ни днемъ, ни ночью, до мѣ-
спа, и опдалъ грамошу самой Царицѣ.

„Тамъ навидѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что
„стало ему на долго послѣ шого рассказы-
„вашь: какъ повели его въ палаты такія
„высокія, что если бы хать десять посла-
„вишь одну на другую, и тогда, можеть
„бышь не достало бы. Какъ заглянулъ онъ
„въ одну комнашу — нѣшь, въ другую — нѣшь,
„въ прешью — еще нѣшь — въ чешвертой даже
„нѣшь; да въ пятой уже, глядь, сидишь Сама,
„въ золотой коронѣ, въ сѣрой новенькой свит-
„кѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галуш-
„ки ѣсть. Какъ велѣла ему насыпать цѣлую
„шапку синицами (*), какъ.... всего и выпол-
„нишь нельзя. — Объ вознѣ своей съ чер-
„пями дѣдъ и думаешь позабылъ.... и видно
„уже въ наказаніе, что не спохватился поп-
„часъ послѣ случившагося съ нимъ чуднаго
„происшествія освящешь хашу, бабъ, ровно
„черезъ каждый годъ, и именно въ то самое
„время дѣлалось такое диво, что танцуется
„бывало, да и только. — За что ни при-
„мешся, ноги зашѣвають свое, и вопъ такъ
„и дергаешь пуслишься въ присядку.“

Такъ кончилась чешвертая и послѣдняя

(*) Разумѣется ассигнаціями, кои введены въ
Россіи слишкомъ за 60 лѣтъ.

повѣсть Пасичника Рудаго-Панька, въ Вече-
рахъ его на хуторъ близъ Диканки. — Спра-
шиваю теперь: повѣсти ли это, или сказки,
и идешь ли названіе были, сказочкѣ: *Пропав-
шая грамота?*

Изображеніе Царицы въ сѣрой новень-
кой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, которая
кушаетъ золотыя галушки, почерпнуто
Панькомъ изъ старой, но не древней шуточ-
ной выдумки о какомъ-то глупцѣ подобнаго
же глупца. — Плоская шутка сія такъ же
стара, какъ и неприлична и неумѣстна. Она
не забавна теперь для самыхъ простѣйшихъ
слуховъ изъ поселянъ нашихъ.

И это Панько назвалъ былью?

Разсказъ его во всѣхъ четырехъ сказ-
кахъ имѣетъ много забавныхъ сценъ; есть
въ ономъ много остроумія; нѣкоторыя народ-
ныя повѣрья наблюдаются внимателью; слогъ,
исключая высокопареній, довольно удачно
приноровленъ къ описываемымъ предметамъ;
но есть также вообще великіе промахи, ко-
торыя и замѣчены мною здѣсь съ самымъ до-
брымъ намѣреніемъ.

Нѣтъ, любезный землякъ, не внимай, —
безъ размышленія, похваламъ журнальнымъ,
какія бы онѣ ни были, Русскія или иностран-
ныя; не гордись тѣмъ, что тебя похвалилъ
прославившійся Поэтъ, въ письмѣ, написан-

номъ имъ, можешъ бышь, и не для печати; не довѣрай авторскому своему самолюбію; а выслушавши правду опъ почищающаго себя и любящаго твою родину, земляка твоего, стараго Царыннаго (*), — пиши и впередъ, дай Боже, чшобъ писалось! написавши же что нибудь народное, пересмотри его внимательно, свѣрсья съ нравами и обычаями твоей страны, о которой рѣчь идетъ, перечитай его съ разумнымъ тамошнимъ уроженцемъ, не лѣнись поправить, что признается нужнымъ, — и потомъ уже отдавай печатать. — Съ твоимъ перомъ можно много написать хорошаго, оригинальнаго, во славу свою и милой родины нашей. Соперниковъ на скудной литературной отечественной почвѣ не много ты встрѣпишь; иное дѣло, если бы тебѣ вздумалось писать виршами, — а на прозу мало еще охотниковъ; она не дается, какъ-то, въ бѣльшемъ объемѣ одной поненькой книжки. — И шакъ, пока лѣнь и недосуги мѣшаютъ прозаическому наводненію

(*) Царыною въ Малороссіи называются сельскіе шлягбаумы; лѣшомъ устраивается около ихъ шалашъ, въ которомъ кочуетъ въ продолженіе всего лѣша старикъ, именуемый царыннымъ: его обязанность смотрѣшь, чшобы всегда были заперты ворота, дабы скошь изъ села не бѣжалъ въ хлѣба.

спрудись, и неусыпность, при счастливомъ паланшѣ, вознаградишь опдохновеніемъ на душистыхъ миршахъ!

Многимъ, бытъ можеть, покажется странно, что я о четьрехъ короенькихъ сказочкахъ написалъ такое длинное размышленіе. Бытъ можеть нѣкоторыя скажутъ, что сказочки сіи менѣ стояли спрудовъ Автору ихъ, нежели мнѣ, разбиравшему оныя. На это я бы отвѣчалъ: что похвалы Повѣспямъ Пасичника Рудаго-Панька извѣстныхъ Литераторовъ-Журналистовъ, — прошивное тому замѣчаніе на Повѣспи одного изъ нихъ, и имя самого Автора, были причиною особеннаго любопытства прочитавъ книгу, въ которой я съ жадностію желалъ увидѣть родное, описанное землякомъ, знающимъ не по слухамъ народныя нравы, обычаи и повѣрья той спороны, гдѣ я родился, и гдѣ желаю окончить дни мои. Съ ощущеніями сего, я прочиталъ Повѣспи Пасичника-Панька, нашель, что это сказки, но сказки, заслуживающія чтеніе. — Хопя, признаюсь, ожидалъ найти въ нихъ болѣе, нежели нашель въ самомъ дѣлѣ; но упѣшаюсь надеждою, читавъ со временемъ тщательнѣе опдѣланная произведенія Панька, начавшаго писать нѣчто свое; а какъ ни одинъ изъ Гг. Литераторовъ-Журналистовъ не сказалъ о По-

въспихъ Панька ничего, похожаго на рецензію, но я, не будучи Журналистомъ, для коего разборъ книги есть работа срочная, принялся охотно, въ свободное время, изложить о прочитанныхъ мною сказкахъ мои мысли, не какъ Авторъ ремесломъ, а какъ простой Малороссіянинъ, радующійся всему хорошему касательно родины, и съшующій на неудачныя попытки прозою и стихами изобразить нѣчто наше. Досадно было мнѣ чинять въ помѣ самомъ № 17 Телеграфа, въ кошоромъ помѣщено замѣчаніе на *Повѣсти, изданныя Пасишникомъ Рудымъ Панькомъ*, — *опытъ перевода Полтавы А. С. Пушкина, Поэмы, на Малороссійскій языкъ*. Переводчикъ ли (правильнѣе бы названъ перелагатель съ Русскаго на Малороссійское нарѣчіе, а не языкъ) или корректоръ Телеграфа, — но кто-нибудь изъ нихъ надѣлалъ столько ошибокъ въ словахъ, что даже слуху больно. — Напримѣръ:

По - нашему. — Напечатано:

скризь — скричь.

сребро — срибро.

бжилъ рій — рый.

спрій — спрый.

погда — погда.

полки — повки.

Напеч: *Въ зеленимъ луга безъ людей.* (1 куп. 4 стр ихъ)

Слѣдовало: *Въ зеленимъ лузи безъ людей.* Напеч:

Не злотомиь богате Якимь (1 куп. 13 строк.)

Слѣдов. Не золопомь богатыь Якимь.

Самое переложение не совсѣмъ удачно; напр. А лугъ шакъ а-жь *кишитъ* волами (1 куп. стих. 5.) — Слово *кишитъ* употребляется у насъ при изображеніи кучи, пьмы червей, и ни сколько неидетъ къ изображенію спадъ рогатаго скопа, или воловъ.

Перелагашель говоритъ (2 куп. ст. 7 и 8.)

„А все здавалось, оставался

Мазепа *кревнимъ* до Петра.“

Кревнимъ значило бы роднымъ; какое же родство имѣлъ Мазепа съ Петромъ Великимъ?

Годы да праця зопсовалы.

У юго *Отаманьскій* духъ! (2. куп. ст. 11 и 12)

Что это за отаманьскій духъ? Я природный Малороссіянинъ, но испинно не понимаю.

Впрочемъ, стихи сіи, по переправкѣ ихъ, были бы лучше многихъ попысокъ въ семь родъ. Опъ перелагашеля, и по самому уже прозванію *Москаля*, ибо если бы онъ былъ Малороссіянинъ, то прозывался бы не Гребенкинъ, а просто Гребинка, — не возможно пребовать, чтобы онъ совершенно зналъ Малороссійское нарѣчіе и обороты языка, а потому замѣченныя мною ошибки ему и простибельны. Охопа, какъ говорится, пуще неволи! — Въ одинъ и пошь же день

мнѣ случилось прочиташъ и переложеніе Поэмы Полпавы на Малороссійское нарѣчіе, и листъ: *Одъ Украинця до Ляхивъ*, писанный спихами же на семь нарѣчій Порфириемъ Байскимъ. — Эпопъ листъ упечатался на двухъ съ небольшимъ спраницахъ (*), хопя во всякомъ между X спрочіи можно бы свободно помѣспить еще по спиху, а между куплетами и по два; примѣчаніе же Автора къ сему *стихотворенію*: Листъ *одъ Украинця до Ляхивъ*, *толкованіе* и *словарь пояснительный*, заняли чепыре спраницы мелкой печати. Спихи спихами; но желалось бы знатъ, для кого они написаны? Ежели для насъ, Малороссіянь, то словарь пояснительный намъ не подь-нужду; если же вообще для Русскихъ, то врядъ ли кто будетъ имѣть терпѣніе выучить сперва словарь, чпобы потомъ понятно было чпеніе нѣсколькихъ Малороссійскихъ куплетовъ, незаключающихъ въ себѣ ни какой особенной высокой Поэзіи.

Не стану спорить, чпо *пащиковати* есть крамольничашъ, сплешничашъ; хопя слово сіе, сколько мнѣ извѣстно, и не употребляется въ наспоющемъ Малороссійскомъ нарѣчій; не стану увѣрять Г. Байскаго и въ томъ, чпо рыцарь, слово, употреблявшееся

(*) Стихотвореніе сіе продается по два рубля во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

при Гепманахъ, въ чемъ онъ самъ можешь удостовѣриться во всякой старинной Малороссійской военной рукописи, и что *лицарь* выговаривающъ одни карпавые, косноязычные, подобно какъ, вмѣсто полки — *повки*, (какъ замѣчено выше о переложеніи Полпавы, Г. Гребенкинымъ); но да позволено мнѣ будетъ сказать откровенно, что стихи его не превосходны. — Въ эпозѣ ссылаюсь на всѣхъ Малороссіянъ образованныхъ, забывшихъ нарѣчія родины, какихъ здѣсь въ столицѣ весьма много. — Впрочемъ, Г. Байскій повѣспованіями своими, относящимися къ Малороссіи, всегда радовалъ не только меня, но и всѣхъ чипающихъ земляковъ нашихъ. Будемъ пишать себя утѣшительною надеждою, что онъ и Пасичникъ Панько, у коего, по его же словамъ въ предисловіи къ Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки (спр. XIV), наберется уже маперіяловъ книжекъ на десять, подобныхъ вечеровъ, уполять пріятно жажду нашу къ чтенію оригинальнаго — ошечспвеннаго.

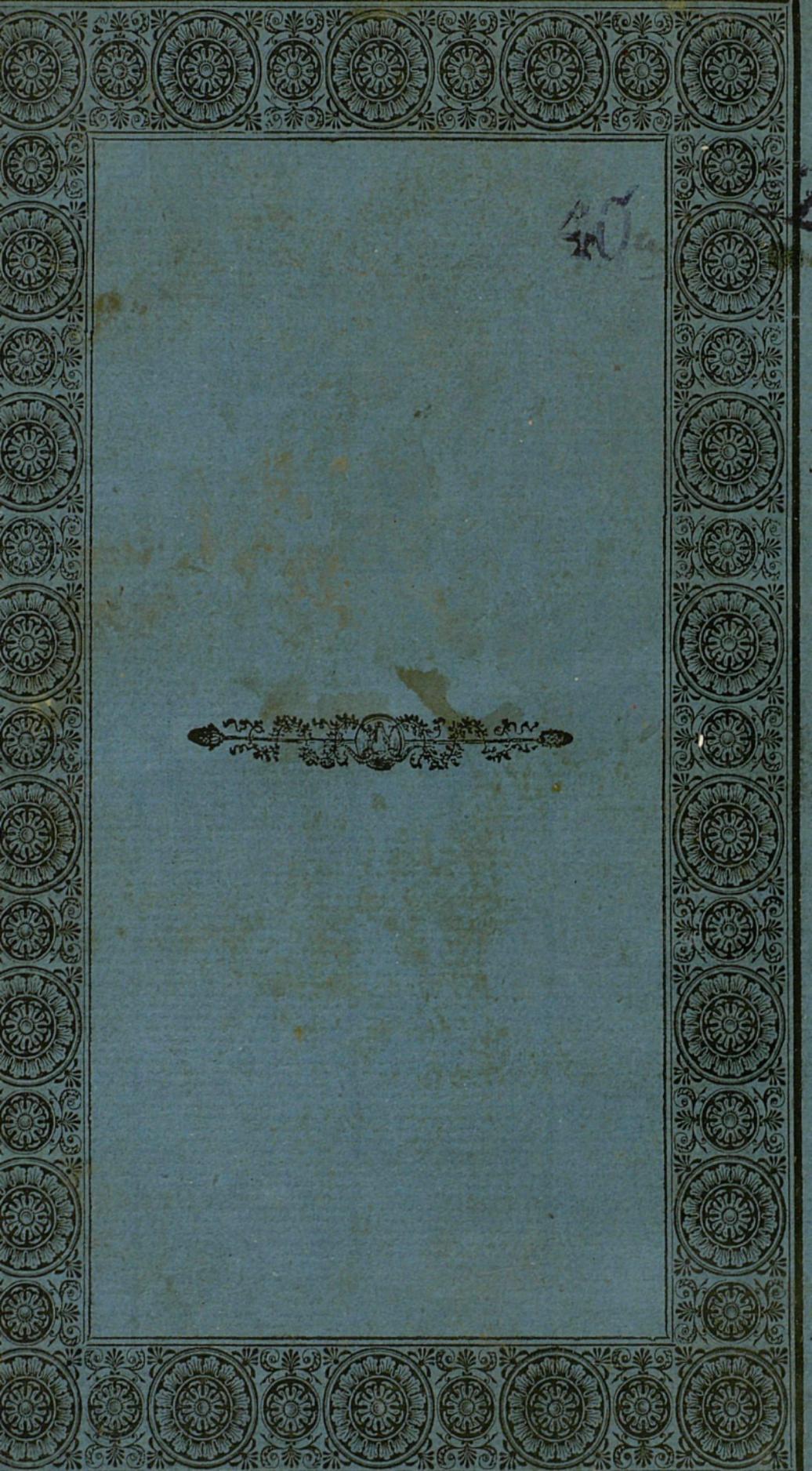
Андрій Царгинный.

4 Декабря.
1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Санктпетербургъ, Января 1 дня 1832 года.

Ценсоръ, В. Семеновъ.

2007043573